

ОКТАБРЬ 10/88

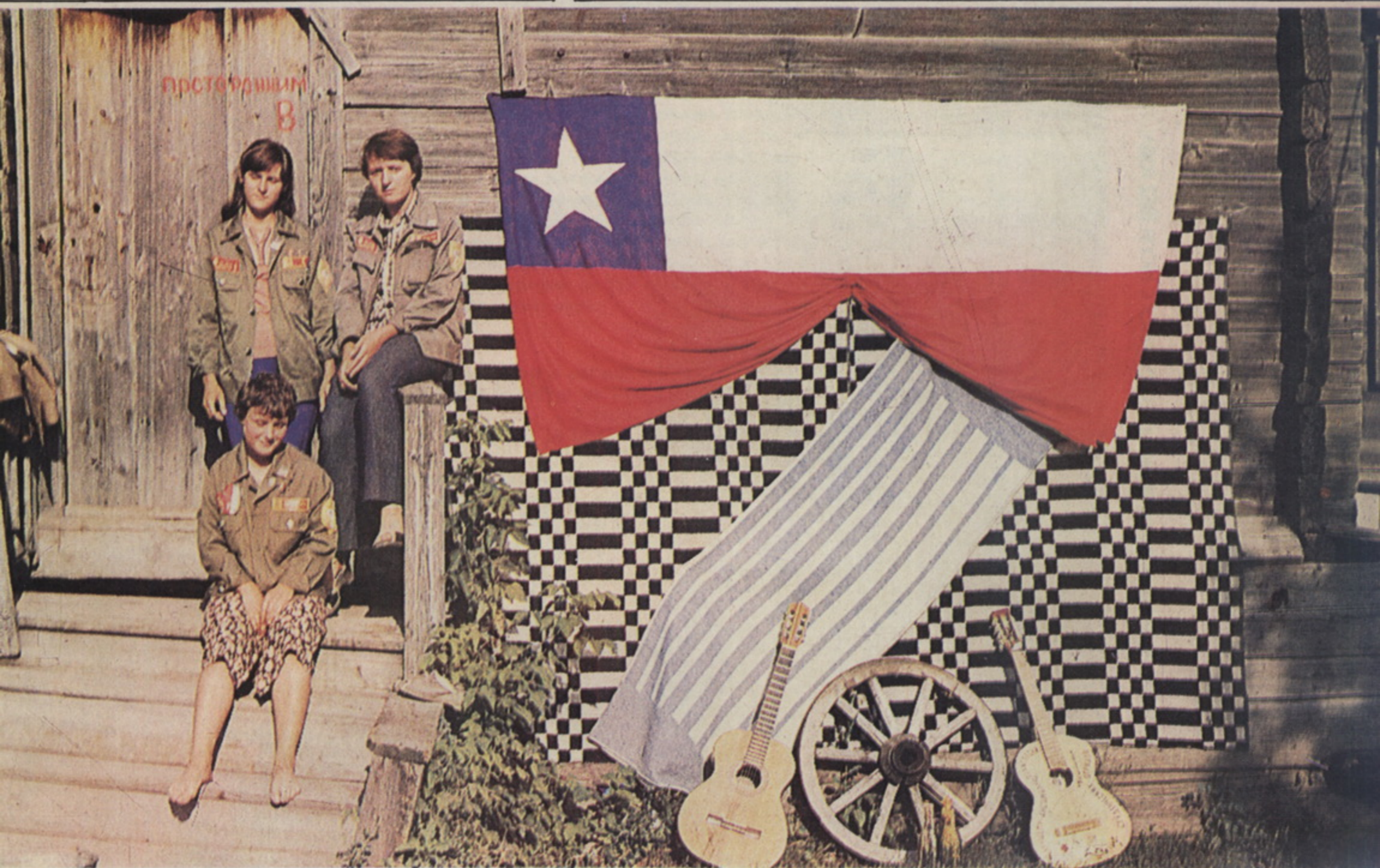
СОВЕТСНИК

ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ ЕЖЕМЕСЯЧНИК ЦК ВЛКСМ И КОМИТЕТА МОЛОДЕЖНЫХ ОРГАНИЗАЦИЙ СССР ИЗДАЕТСЯ С ИЮЛЯ 1962 ГОДА.

ISSN 0131-5994

70 лет
ВЛКСМ

Два письма в «Ровесник»

1. Здравствуйте!

Меня зовут просто Маша. И мне хочется поделиться своей болью и радостью. Год назад, когда я работала медсестрой в одной из московских больниц, судьба столкнула меня с ранеными из Сальвадора, привезенными к нам по линии Красного Креста. Еще совсем мальчишки, они стали мне младшими братьями.

Рядом с ними я не могла, не имела права быть слабой. Рядом с ними я почувствовала, что идеалы, которыми жила прежде, не пустые слова. И дело не только в самих партизанах.

Спасибо всем. Тем, кто делился с ранеными из Сальвадора и Анголы зимней одеждой, кто не прятался за должностные инструкции и разрешал «нашим партизанам» пожить в советских семьях, и тем, чьи дома и семьи стали сальвадорцам родными.

Давно уже улетели к себе сальвадорцы, а я все на том же посту. Только теперь нас много. При Перовском РК ВЛКСМ есть интербригада. Мы назвали ее «КИМ» (Коммунистический интернационал молодежи) и хотим этим назва-

нием подчеркнуть наше стремление возродить дух этой легендарной организации.

В нашей бригаде ребята из разных стран и советская молодежь — медики, преподаватели, рабочие, инженеры. Пусть многое еще не получается, не у всех находим понимание. Зато мы все единомышленники. Мы, молодые коммунисты из разных стран, собрались вместе, чтобы защищать и лечить, учить и учиться, чтобы дружить. И еще чтобы никто не смел топтать наши идеалы, чтобы никто и никогда нас не сломал.

Пишите, звоните: Москва, Зеленый пр., 23/43, Перовский РК ВЛКСМ, телефон 302-54-78, Мария Адрианова.

2. Наверное, каждый, даже не служивший в армии, знает важнейшее требование Устава «защищать командира в бою». Но в Уставе нет требования, чтобы командир ценою личной жизни спасал своих подчиненных.

11 мая 1980 года. Шли тяжелые бои. Группа солдат, возглавляемая заместителем командира мотострелковой роты старшим лейтенантом Николаем Анатольевичем Шорниковым, была отсечена от основных сил роты. Шорников вызвал весь огонь наседавших душманов на себя, прикрывая отход группы. Все плотнее сжималось вокруг него кольцо окружения... Кончился боекомплект к автомату. В дело пошли гранаты. Но вот и последняя. Не разду-

мывая, коммунист Шорников выдерживает предохранительную чеку...

Сохранилась магнитофонная запись. Ныне она хранится в Музее истории Новосибирского высшего военно-политического училища имени 60-летия Великого Октября. «Я в 17 лет надел погоны. Прошло восемь лет — старший лейтенант. ...быть, как говорят, в первых рядах защитников нашей Родины. Это не высокие слова. Это выстрадано жизнью...»

Обращает на себя внимание досадное обстоятельство, когда мы все меньше вспоминаем о тех, кто был первым... Часто общаясь с молодежью в разных уголках страны, я с досадой отмечаю, что о подвиге Н. Шорникова почти неизвестно ей. Как же нам беречь и ашу историю?

Мое поколение в годы войны было разбросано по великому множеству детских домов. Большинство из нас не имело даже исходных данных для поисков родителей, близких...

А. Хозяйчиков,
кандидат исторических наук

Два письма пришли в редакцию в разное время, но их объединяют темы и настроение авторов. Тема — интернациональное воспитание, говоря официальным языком. Настроение — беспокойство.

Формальный повод для того, чтобы 2

Всемирный молодежный телеграф посвятить теме интернационализма, так: почти год назад в Москве состоялась Встреча интерклубов и интербригад из 42 городов страны. Движение оформилось и развивается. Но будущее его — в твоих руках, РОВЕСНИК!

Коммунистический студенческий отряд «Товарищ» в Саратове. Стаж работы — 11 лет. Перечислено в фонд Коммунистической партии Чили около 40 тысяч рублей. Одиннадцать лет КСО «Товарищ» ведет неформальную общественно-политическую работу, участвует в субботниках по благоустройству детских домов, работает со школьниками, помогает престарелым одиноким людям.

По-разному приходят люди в отряд. Чаще всего они хотят самовыразиться, провести интересно и весело время. А остаются потому, что по-другому жить уже не могут, потому что боль героического народа становится их болью.

Посвящение в бойцы отряда проводится 1 мая в Москве на легендарной Красной Пресне. В одном строю стоят товарищи по борьбе — чилийские коммунисты и советские комсомольцы.

Адрес: 410710, г. Саратов, ул. Кутякова, 41—59, штаб КСО «Товарищ», Яковлев Александр Викторович, телефон 24-07-20.

На снимке: бойцы интеротряда «Товарищ».

Коммунистическая интербригада (КИБ) «15 сестер» в Куйбышевской области. В 1985 году куйбышевский центр коммунистических интернациональных бригад выдвинул идею создания из числа старшеклассников КИБ «15 сестер». Идея заключалась в том, чтобы летом свести учеников из разных республик (отряды человек по 10—15) в единую трудовую интербригаду, создать «Советский Союз в миниатюре», работать и жить плечом к плечу, узнавать друг друга открытым сердцем, открытой душой.

Представьте, как скучно и нудно твердить из года в год заученные истины о какой-то абстрактной дружбе, как **здорово** дружить на деле с конкретными ребятами, видеть вокруг себя целый советский народ, пусть и в миниатюре, чувствовать себя его частицей.

Товарищи! Если вы хотите внести личный вклад в дело укрепления национальных связей между народами СССР, приезжайте в бригаду «15 сестер» летом будущего года. Пишите по адресу: 446470, Куйбышевская обл., г. Похвистнево, ул. Кооперативная, д. 59, кв. 7, Потапов Юрий Борисович.

Интерклуб Новосибирского государственного университета создан в 1965 году. Он объединяет около 200 студентов, аспирантов и сотрудников университета. Работает по секциям: Латинская Америка, Ближний Восток, Африка. Является организатором Недели интернациональной солидарности в академгородке с 25 апреля по 1 мая, организует фестиваль политической песни в рамках Интернедели.

Проводит дни солидарности с борю-

щимися народами. Дает концерты и политпредставления на открытых площадках, организует агитточки, ярмарки солидарности на территории академгородка, агитмашины.

Принцип проведения всех интернациональных акций — полная самостоятельность, инициатива самих студентов, поиск ими новых форм работы. Адрес: 630090, г. Новосибирск, ул. Пирогова, 2, НГУ, Оргкомитет НИС, Зозуля Юрий, Рубцова Ольга.

Одесский городской общественно-политический интерклуб имени Э. Че Гевары является добровольным самостоятельным объединением. Его создатели — студенты вузов города, учащиеся школ и училищ, иностранные представители из 21 страны, преподаватели и учителя, медработники, служащие. Позиция чегеваровцев — не замыкаться в узком кругу своих интересов, оказывать моральную и материальную поддержку в борьбе за справедливость в любой точке планеты, быть готовыми разделить чужое горе, проводить в жизнь идеи братства, сотрудничества всех стран и народов. Адрес: 270085, г. Одесса, ул. 3-я Станционная, д. 9, Лысенко Сергей.

Клуб политической песни «Варшавянка» в Свердловске. Состав: школьники, студенты, рабочие. Коллективы клуба: ансамбли политической песни «Смена», «Ровесник», «Товарищ», интергруппа, политтеатр, фольклорный ансамбль. База: Дворец культуры «Уралмаша». Формы работы: концерты и ярмарки солидарности, деловые игры и творческие мастерские клуба, заводские фестивали политической песни, политпесенные смены в пионерском лагере, праздник сальвадорской газеты «Венсеремос», фольклорные экспедиции, пение песен 9 Мая до и после салюта на центральной площади «Уралмаша» вместе с тысячами собравшихся на митинг людей, летний политпесенный трудовой отряд «Варшавянка», бригады по работе с детским домом и на реставрации памятников. Адрес: 620088, г. Свердловск, ул. Фестивальная, 12, ДК УЗТМ «Варшавянка», Носков Николай, телефон 32-48-09.

Москва. Советские и американские школьники в рамках программ «Дети — творцы XXI века» (СССР) и «Прямая связь» (США) активно участвуют в поисках новых форм контактов. Они встречаются друг с другом, обсуждают проблемы сохранения мира, разоружения, экологии, прав человека, образования. В Москве ребята встречались с Михаилом Сергеевичем Горбачевым и передали ему обращение (аналогичное обращение было передано и Рональду Рейгану), в котором содержится поддержка усилий руководителей двух стран по установлению мирных конструктивных отношений между СССР и США.

На первой странице обложки: комсомолка Карина Гимаева из Севастополя — участница программы «Дети — творцы XXI века».

В НОМЕРЕ:

4. Франц Карл Вайскопф. **РАЗДВА, ВЗЯЛИ!**
7. Нина Трошина. **ЛИЦА КОРЕИ**
8. Нина Чугунова. **ДА ЗДРАВСТВУЕТ «КУЛЬТ» ЛИЧНОСТЕЙ!**
12. А. Михайлов. **ДИПЛОМАТИЯ БАЙДАРОК**
15. **РОК-ЭНЦИКЛОПЕДИЯ «РОВЕСНИКА»**
15. Э. С. Аветисов. **МЫ МОГЛИ БЫ СПАСТИ ПЕЛТИЕРА**
20. Тимоти Херитидж. **ПРИВЫЧНО, КАК ПРОГНОЗ ПОГОДЫ**
22. Марина Влади. **ВЛАДИМИР, ИЛИ ПРЕРВАННЫЙ ПОЛЕТ**
24. Джон Бризолара. **ГИЕНА. ФАНТАСТИЧЕСКИЙ РАССКАЗ**
28. Леонид Захаров. **ПРОДОЛЖЕНИЕ**
30. Алексей Поликовский. **ЖЕСТОКИЕ ИГРЫ**

Ровесник ^{10/88}

Главный редактор
А. А. НОДИЯ

Редакционная коллегия:
В. А. АКСЕНОВ, В. Л. АРТЕМОВ,
С. М. ГОЛЯКОВ, С. А. КАВТАРАДЗЕ,
С. В. КОЗИЦКИЙ, В. Б. МИЛЮТЕНКО,
В. П. МОШНЯГА, Н. Н. РУДНИЦКАЯ,
Э. М. САГАЛАЕВ, В. Г. СИМОНОВ,
С. Н. ЧЕЛНОКОВ, И. А. ЧЕРНЫШКОВ
(зам. главного редактора)

Художественный редактор
Т. Н. Филипповская
Оформление художника
А. Л. Анисимова
Технический редактор
М. В. Симонова

Адрес редакции: 125015, Москва, ГСП, Новодмитровская ул., 5а.
Телефоны: 285-89-20 — для справок, 285-80-62 — отдел писем.
Перепечатка материалов разрешается только со ссылкой на ежемесячник.
Сдано в набор 08.08.88. Подписано в печ. 08.09.88. А13530. Формат 84×108¹/₁₆. Печать офсетная. Усл. печ. л. 3,36. Усл. кр.-отт. 13,44. Уч.-изд. л. 5,6. Тираж 2 400 000 экз. Цена 35 коп. Заказ 186.

Ордена Трудового Красного Знамени издательско-полиграфическое объединение ЦК ВЛКСМ «Молодая гвардия». Адрес ИПО: 103030, Москва, К-30, ГСП-4, Сущевская ул., 21.

Франц Карл ВАЙСКОПФ,
немецкий писатель (ГДР)

Бек Кашеев

Бек работал пастухом в колхозе на севере Казахстана. Отца, колхозного активиста, чуть ли не до смерти избили басмачи, с тех пор тот хромал и не годился для тяжелой физической работы. Его и послали в город на базар купить семян для сева. Бек поехал с ним. В Павлодаре им удалось купить зерна лишь на одну телегу, с которой отец вернулся в колхоз, а на второй Бек отправился в Славгород, на другой базар. Он ехал всю ночь, весь день и всю следующую ночь, пока не добрался до места. Он купил семена по 12 рублей за пуд и, не теряя времени, двинулся в обратный путь. Бек валился от усталости и, чтобы не заснуть, пел. На вторую ночь ему повстречались шесть всадников в рваной одежде и старых лисьих шапках — бандиты отняли у Бека зерно и ускакали в степь. Бек вернулся в Славгород, где заявил об ограблении властям. Местный начальник одолжил ему несколько рублей, но Бек не вернулся в колхоз, он написал туда письмо, что приедет, когда заработает деньги на возмещение ущерба.

Он завербовался на Кузнецкий комбинат, но сел не в тот поезд и вместо Кузнецка оказался в Магнитогорске. В отделе кадров ему дали работу, и он два дня блуждал по комбинату в поисках своего цеха, стесняясь спросить дорогу. Бек попал под начало бригадира по кличке Чанша. Беку не нравилась ни работа на побегушках, ни Чанша, который пил водку и издевался над Беком. Ему хотелось домой.

Но через два месяца Чаншу уволили, и пришел новый бригадир. Бек стал учиться работать на токарном станке. Десять дней он наблюдал, как это делает бригадир, потом стал пробовать сам. Поначалу он шарахался от искр, боясь загореться, но через неделю по привычке. Первое зубило, которое ему поручили изготовить, Бек запорол, зато второе получилось. «Раньше всякий раз, когда я думал об оставленном доме, мне было грустно, — вспоминал Бек. — Как тут можно жить, думал я, без скотины, совсем одному. Потом вдруг я увидел, что можно жить иначе, чем я привык. Я вступил в комсомол, и мне понравились парни и девчата в комсомоле, они работали лучше всех, и с ними было весело.

Я научился читать и писать. По утрам ходил в школу, днем работал, а вечером посещал комсомольский политкружок. Я подписался на журнал «Наука и техника», а осенью надеюсь поступить в техническое училище. А потом, возможно, я доучусь до инженера...»

Из книги Ф. К. Вайскопфа «Комсомол и уголь», вышедшей в 30-е годы.

Дамба

Магнитогорск стоит на реке Урал. Огромная дамба сдерживает реку, которая образует широкое озеро. «Знаете, как мы ее возводили?» — спрашивает нас сопровождающий. И он рассказал историю строительства дамбы: как грязь сводила на нет все усилия землекопов, как забивала она помпы, заполняла котлован прежде, чем его успевали очищать.

«Ничего нельзя было поделывать, жижа стекала с лопат как суп, люди работали по шею в грязи. Все предварительные расчеты и планы рушились, но бригадир Соловьев придумал: поделить с помощью мешков с песком дно котлована на маленькие ячейки, после чего каждую очистить от грязи и залить бетоном. Тут начались морозы, работа в воде с раствором стала сущим адом. Но упущенное время удалось наверстать, фундамент сдали раньше срока.

Мы работали, пока не валились с ног. Мы не могли отличить день от ночи. Но каждый отлично знал, сколько цемента, гальки и стали затрачено и сколько еще понадобится. Не было ни

лентяев, ни лоботрясов, а если попадались такие, мы их пропесочивали что надо. Их имена печатались в газете, писались мелом на доске объявлений и карандашом на пачках сигарет и на спичечных коробках. Инженеры спали на раскладушках прямо в конторе. Мой сын, руководивший работами на бетономешалке, шесть дней подряд не передевался, спал в бытовке. Сам директор приказал ему сходить домой, принять душ, выспаться и переодеться. Теперь мой сын на Ангаре, там строят другой гигант...»

Бараки

«Сотни новых рабочих прибывают сюда ежедневно, — рассказывает инженер, — и каждого нужно устроить. Мы не успеваем возводить бараки. Не хватает палаток. Бараки без электросвета, окна без стекол — лишь крыша и четыре стены. Это главное, остальное потом.

Люди вынуждены жить в сырых помещениях без отопления. Они приносят в комнаты печки-«буржуйки», делают в новых стенах дыры для дымо-

хода. К прочим бедам всюду вши и клопы».

«А что делать? — говорит врач санэпидемстанции. — У нас нет дезинфицирующей аппаратуры. Когда идешь к начальству, тебе говорят: сначала доменные печи, остальное потом. Сколько мы воюем, чтобы построить карантинные пункты в железнодорожном депо! Выбили лес, кирпич, песок, цемент, но теперь не можем вытребовать рабочих. Что карантинные пункты! Просто бань не хватает!»

Надпись на трубе № 3

Трубы доменных печей похожи на гигантские металлические сигары или на самолеты, вертикально торчащие из земли. Их по четыре у каждой домны. Когда мы проходим мимо трубы № 3, я пытаюсь расшифровать надпись на самом ее вершине, но прочесть невозможно, многие буквы смыты дождем, осталось лишь: «...мять... тов... Пе...» Я спрашиваю рабочего, что там написано, и он охотно объясняет: «В память о товарище Пантелее Савельиче Петрове».

Пантелей Савельич был монтажником, молодым парнем, комсомольцем, членом ударной комсомольской бригады. Он работал на монтаже трубы № 3, сидя на некоем подобии качелей, которые с каждым днем крепились все выше и выше вслед за возведенными секциями трубы. Когда возводился последний «этаж», крепежный трос оборвался, и с высоты в тридцать пять метров Пантелей Савельич упал вниз. Он еще жил, но всем было ясно, что жить ему оставалось считанные минуты. Товарищи бросились к нему. Пантелей Савельич успел лишь сказать: «Оставьте меня, ребята, а сами работайте. Мы ведь должны выполнить план на 130 процентов».

Суд над грязными ботинками

Клуб барака № 2 заполнен до отказа — проходит заседание товарищеского суда. Судьями выбраны трое мужчин и две женщины, которые занимают места за столом, накрытым красной скатертью. Председатель встал — и зал затих, но все равно, для важности, тот взял со стола колокольчик и позвонил.

«Обвиняемый Павел Порфирьевич Чернышевский проживает в сорок седьмом бараке. Обвиняется в том, что зашел в общую спальню в грязных ботинках и сплюнул на пол. И такое с ним не в первый раз. Его не раз предупреждали о нетерпимости подобного поведения».

Выступает общественный прокурор. Им оказывается врач с санэпидемстанции. Врач начал с рассказа об эпидемии тифа в прошлом году, говорил о денежных затратах, об угрозе здоровью, даже жизни, связанных с эпидемией. Правила гигиены, говорил врач, которые обвиняемый постоянно нарушал, были приняты на общем собрании жителей всех бараков. То есть обвиняе-

мый действовал вразрез с всеобщим мнением, его поведение угрожало здоровью окружающих, но, учитывая необразованность нарушителя и то, что он всего лишь четыре месяца как из деревни, его нужно перевоспитать. Прокурор предложил следующее наказание: строгое общественное порицание, вывесить имя нарушителя на доске позора и оштрафовать на десять рублей.

Обвиняемый, здоровый детина, беспомощно стоял, шаркая ногой и глядя в пол. Выступили свидетели, говорил бригадир. Он предложил снизить штраф и обещал взять нарушителя на поруки и перевоспитание: «Даю вам слово ударника».

Раз-два, взяли!

Три дня Магнитогорск томился ожиданием первой плавки на «Комсомолке» — доменной печи № 2, построенной исключительно силами комсомольцев. Городские газеты, стенгазеты, плакаты, речи — все об одном: завершении строительства «Комсомолки». Позавчера проверили весь механизм, вчера печь загрузили, сегодня ждут первой плавки.

Десятки тысяч людей со всех окрестностей собрались на великое событие. Инженер подошел к печи и поглядел в глазок сквозь цветное стекло. Потом поднял руку — толпа зашевелилась. Бригада взялась за длинный стальной шомпол — первые глухие удары в глиняную пробку печи. Ах!.. Пока нет. Снова глухие удары, громче, громче. «Раз, два, взяли! Раз, два, взяли!»

Люди, пробивающие пробку, взмокли от пота — и никакого результата. «Что такое?», «Что случилось?», «Эй, подсобите». Люди в толпе сбрасывают пальто, бегут к рабочим, хватаются за металлические шесты. «Раз, два, взяли!» Среди них почти все начальство, тут же комсомольский секретарь, все заливаются потом.

«Берегись! Посторонись!» Шесты отброшены, все отскакивают от желоба, раздается шипение, и здоровые с кулак искры вырываются из пробитого отверстия. «Ура!»

Но крик сразу замер. Раскаленный поток пробил в двух местах перегородки из песка, и лава вытекает сквозь пробоины. Собравшиеся словно остолбенели. Но вот — кто хватается лопату, кто асбестовую плиту, кто в пригоршне тащит песок — все бросают песок на полыхающий поток. Через три минуты брешь заделана. Комсомольцы пускаются в дикий пляс у своей печи: «Нас побить, побить хотели, но мы тоже не сидели!» — прорываются их голоса сквозь рев разливающегося по ковшам металла.

Мост

В поезде всегда найдется попутчик, которому есть что рассказать. По железному мосту мы переезжаем через реку Обь. Человек, сидящий напротив меня, как раз его строил. Он рассказы-

вает, как двести комсомольцев из Новосибирска пошли добровольцами на строительство мостов (мостостроительное управление страдает от нехватки рабочих рук). Как они организовали ударную бригаду, которая бросалась на каждый прорыв. Как однажды ночью в буран таскали на спине мешки с цементом по льду реки, потому что ни один шофер не рискнул там проехать. Как они закончили кирпичную кладку второй опоры за четыре недели вместо шести, работая по двенадцать часов, отказавшись от выходных. Как они добились того, что бетономешалка стала выдавать сто восемьдесят замесов раствора, побив прежний рекорд в сто шестьдесят. Как ликвидировали аварию на третьей опоре: ее устанавливали рабочие, среди которых были пьяницы и лодыри. Опора все глубже проваливалась в дно реки, не достигнув твердого основания. Комсомольская бригада написала на стене завода лозунг: «Мы, комсомольцы, обещаем Партии, руководству завода и стране, что своими силами установим третью опору».

«У нас почти не было времени, — говорит мой попутчик. — Если бы ледоход начался до того, как удалось установить опору, строительство прервалось бы на несколько недель. Нам передали, что в верховье лед уже трещит. Никто из инженеров и специалистов не верил, что мы успеем. А мы успели. Плотники работали днем и ночью. Рабочие на растворе повысили производительность на шестьдесят семь процентов. Мы вкалывали без перерывов по четырнадцать часов, снимали телогрейки. Каждый день опора погружалась на два метра — вместо одного, как раньше. Через три дня мы достигли твердого грунта — за двенадцать часов до того, как начался ледоход. Но самое главное, что в процессе работы мы открыли новый способ замеса раствора — на десять процентов дешевле прежнего!»

Учиться, учиться и учиться

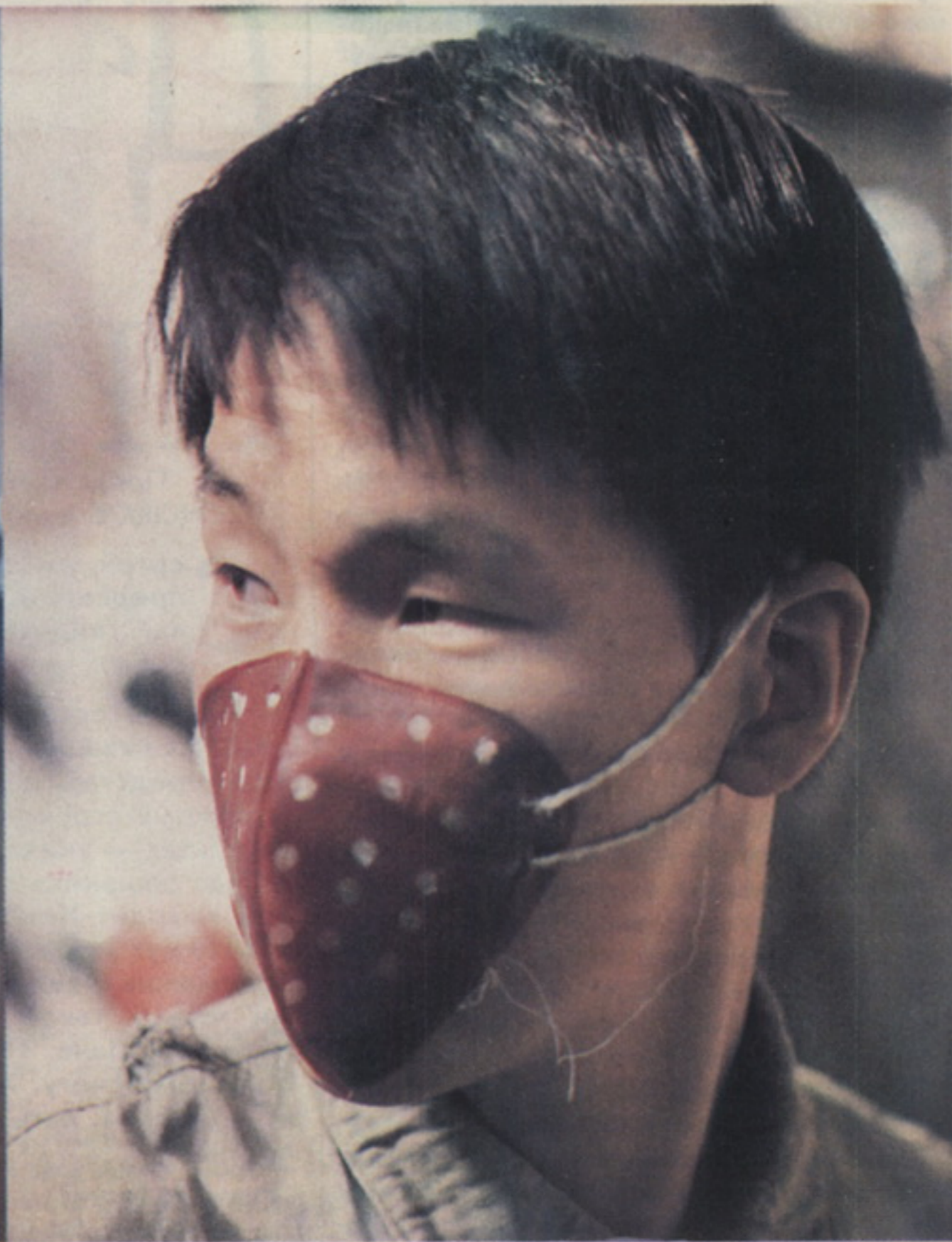
Я стою в тамбуре вагона у открытого окна, рядом со мной — девушка. Два года она проработала в ударной бригаде, которая теперь направила ее на учебу в университет в Москву. Рассказывая это, она плачет от радости. «Мне так тяжело было расставаться».

Я расспрашиваю о работе, что больше всего запомнилось. «Я взбиралась на стрелу крана — на высоту в двадцать или тридцать метров. Когда трос соскакивал со шкива, кто-нибудь из нас лез наверх. Это против правил, но если опускать стрелу, мы теряли бы полчаса, а так устраняли неполадку за десять минут. Мы просто кидали жребий, кому лезть...»

Я раздумываю над ее словами и смотрю в окно: ни бараков, ни контор, ни заводских труб уже не видно, все проглотила ночь...

Перевел В. СИМОНОВ

Нина ТРОШИНА,
Евгений СТЕЦКО (фото),
наши спецкоры

ЛИЦА КОРЕИ

Взгляните на них. Смотрите подольше. Что роднит эти лица и что так притягивает в них! В этих взглядах, брошенных почти что нечаянно навстречу объективу! Лови момент, фотограф! Пак, наш переводчик, — может быть, вы его помните по первой публикации (см. «Ровесник» № 3 за 1988 год) о стране будущего фестиваля! — Пак это объяснял врожденной застенчивостью корейского народа.

Мы не выбирали слайды для этого номера по какому-то принципу. Впрочем, принцип отбора был: красивые, интересные лица. И этот отбор соединил для вашего взгляда вон того парня с красным респиратором и девушку у плаката, близнецов, которым был, конечно, безразличен наш интерес и наши фотообъективы. Единственные герои, которым пока еще нечего было делать в этом мире, кроме как разглядывать его, вертя головенками! Но если вспомнить, какой гигантский путь развития проходит малыш в первые недели, часы, минуты своей жизни, то поневоле скажешь: это тоже труд.

Труд. Вот что роднит эти лица. Вот что притягивает в них. Вот что кажется родным.

А красота — лишь следствие. Хотя и немаловажное.

Смотрите. И я смотрю вновь, и они начинают оживать в памяти.

...Девушка у плаката. Она — героиня первой публикации. Помните девушку,

смотрите

бросившую уже начинавшую как-то устанавливаться жизнь ради новой и незнакомой — ради великой стройки, ради будущего микрорайона Кванбок, который иначе здесь называют «Фестивальной улицей». Девушка рисовала плакаты. День был уже холодный. Я подошла к ней, и мы разговорились, к удивлению Пака.

Парень с респиратором был сфотографирован в тот же день. Мы пошли смотреть, как разгружают бетон (честно говоря, было немного неловко ходить и глядеть, как люди наваливаются на работу), и парень посмотрел на нас весело и, похожему, слегка иронично. Таким и запомнился.

Работа — создатель человеческих лиц. Почему!

Непростые отношения связывают человека с работой. У человека обязанности перед ней. Но и работа обязана перед человеком.

Работа должна получаться. Это первое условие союза.

Поэтому всюду стараюсь смотреть в лица, чтобы угадать, увидеть: получается!

Тогда у человека получается настоящее лицо. То же — со страной. То же — с временем, в котором мы живем.

Вот он, выхваченный из времени, на секунду оторвавшийся от работы, на секунду остановившийся на тебе, не прячущийся от объектива: ВЗГЛЯД КОРЕИ.

...Близнецов мы сфотографировали в Пхеньянском родильном доме. Этот дом настолько хорошо построен и устроен, что о нем есть художественный фильм. Мы этот фильм смотрели и поняли без перевода. Врач, проводивший нас по всем почти этажам (стараясь, однако, не беспокоить пациенток, так что всюду, куда бы ни заходили, царилла пустота, тишина и, кажется, полумрак, и только в той палате, где минуту назад родился малыш, куда позволили заглянуть одной мне, там было неистовое солнце, и женщина улыбнулась мне, как товарищ по одной организации), — так вот этот врач как бы мимоходом сказал нам, уже провожая:

— Моя дочь тоже родилась здесь.

Понятно!

Идем дальше. Юноша, который смотрит в объектив прямо, словно он стоит на посту, охраняя народное достояние, действительно стоит на служебном посту — в метро. Если приглядеться, то возраст — семнадцать — обнаружит еще кое-что: например, паренек убежден, что его пост — самый важный. И это правда. И то, что ничто не заставит его покинуть столь ответственный пост — у самого эскалатора.

— Любите метро! — спросила я.

Лицо его дрогнуло, расплылось.

— Очень! — повторил его восклицание Пак. Выведя нас на волю, он зажмурился от солнца. И мы зажмурились. Так мы стояли некоторое время, жмурясь и улыбаясь. А мимо сновали люди. Праздных не было.

И это еще одно свойство лиц, вызывающее все те размышления.

Нет праздных выражений.

Есть молодые. Есть беспечные по причине крайней молодости. Есть чересчур серьезные. Есть усталые. Где их нет.

Нет праздных.

Да здравствует "КУЛЬТ" ЛИЧНОСТЕЙ!

Председатель Комитета молодежных организаций СССР Сергей ЧЕЛНОКОВ дает интервью корреспонденту «Ровесника» Нине ЧУГУНОВОЙ

— Сергей, вы занимаете должность председателя КМО СССР. В чем вы видите его назначение, смысл, масштаб?..

— Наша организация была создана для реализации вполне конкретной идеи представительства советских молодежных структур в международных контактах — уникальная роль! ...Какие сейчас решаются задачи, на каких людей выходит КМО — иногда у самого просто дух захватывает. Так вот сядешь, подумаешь и видишь, как своими руками что-то такое реальное делаешь. Нужное стране. Нужное Державе, по большому счету. А в общем, как и во всяком деле, есть и мелочовка, и глупости.

— Глупости?

— Бывает. Не утонуть в них помогает видение цели. Приходя на этот пост, я понимал, что ключ к будущему — в широкой демократизации наших международных контактов. Когда из во многом элитарных эти контакты станут реально массовыми. Общением советской молодежи с... зарубежными сверстниками, если говорить языком «Ровесника».

— ...Спасибо на добром слове. Но что значит демократизация международных контактов?

— Это задача, с моей точки зрения, архиважная, но не имеющая готовых и бесспорных решений. Сейчас в КМО как в кулаке собраны практически все наши молодежные контакты с капиталистическими и развивающимися странами. Мало что проходит мимо нас. В известном смысле КМО — это монополия. В чем-то это хорошо. Но и плохо, поскольку реальные потребности развития контактов ныне уже не умещаются в наши организационно-структурные рамки. Несмотря на значительный аппарат, мы не в состоянии обработать поле предложений по контактам, которое сейчас открылось. Каждый день приходят сотни новых идей. Письма. Протянутые руки. Все чаще мы вынуждены отказывать: нет физических сил, нет средств. Нет людей! Поэтому совершенно естественно приходишь к идее вовлечения широких слоев молодежи, выхода за рамки штатного аппарата, делегирования некоторых функций из центра в местные КМО, другие структуры. Эта задача имеет деликат-

ные политические аспекты, а также кадровые и финансовые. Особенно финансовые. Но для меня ясно: демократизация — главная цель в обозримом будущем.

— Время дало вам возможность «кое-что поменять»?

— Тема «КМО В ПЕРИОД ЗАСТОЯ?»... Мне всегда казалось, что международные сферы как-то естественно отторгают консерватизм, подвержены постоянному развитию. Люди здесь в большей мере открыты импорту идей. Конечно, элементы застоя могли выражаться в формах, проявлялись в показухе. Однако КМО вряд ли когда был организацией сугубо бюрократической, лишь себя обслуживающей. Нет. Международные связи молодежи оставались делом живым — может, не массовым, но для тех, кто их осуществлял, это было конкретное и важное дело. Если подсчитать, за время существования КМО десятки тысяч людей выезжали за рубеж, участвовали в мероприятиях, лично вкладывали свой маленький кирпичик в большие международные дела... всемирные фестивали, например. Много найдется людей, кто вкладывал свое сердце, ум в развитие и строительство здания международного молодежного сотрудничества. Эта работа никогда не была уделом исключительно бюрократов-аппаратчиков, нет! Они обслуживали, помогали, а выезжала за рубеж и работала на мероприятиях в СССР все равно рядовая молодежь. Просто, если эту цифру сопоставить с численностью молодежи страны, то окажется, что это было ничтожно мало.

— Теперь будет больше?

— Пожалуй, однако и сейчас такая задача не ставится: взять и все эти миллионы куда-нибудь в поездку отправить. Эта задача больше сродни «Спутнику».

— Простите, что перебиваю: сколько все же людей выезжает по линии КМО?

— В год около полутора тысяч. А по «Спутнику» — сотни тысяч! Между тем вклад КМО в международное молодежное сотрудничество, его значимость в смысле участия в реальных политических процессах трудно оспорить. Два примера. Существует Общеввропейская структура сотрудничества молодежи и студентов. Громоздкое наз-

вание? Пожалуй. Однако за ним стоит развивающееся уже более десяти лет взаимодействие ведущих европейских интернационалов молодежи: консерваторов, социал-демократов, либералов, центристов, коммунистов, студентов, верующих... В рамках идеи «Нашего общего европейского дома» они учатся действовать вместе и вполне ощутимо влияют на «взрослую» политику. Кстати, «там» этого пока нет, и не знаю, будет ли!

Заняты мы также созданием механизма долговременного сотрудничества молодежи Азиатского и Тихоокеанского регионов — и этого нет на взрослом уровне. Известны, разумеется, советские инициативы по системе коллективной безопасности в Азии, обсуждаются предложения и других государств этого континента. Но они пока натываются на стенку за стенкой. Стоит ли говорить, что для СССР — это регион стратегических интересов — это двадцать первый век! Ведь большей частью своей территории мы — азиатская держава. Все силовые оси туда перемещаются, в бассейн Тихого океана, где в силу географических и политических причин переплетаются интересы больших и малых стран, традиционных экономических гигантов и новых индустриальных законодателей мод. Сотрудничество здесь жизненно необходимо для того, чтобы вытеснить тенденции соперничества, призраки военной конфронтации. Мы начали этой работой заниматься сейчас. Разве это работа на себя? Разве это имитация деятельности? Это сродни разбрасыванию зерен... Эти зерна — вот концепция КМО! — попадают в мозги молодых политических деятелей. Нам просто не по карману работать со всеми зарубежными сверстниками вообще. Их слишком много.

Поэтому мы ориентируемся на молодых лидеров, заимствуя американский термин — «растущих» политических деятелей других стран. Если не получается, чтобы они стали друзьями Советского Союза, надо, чтобы они по крайней мере имели реальное представление о том, что такое СССР. Это люди, которые завтра будут премьер-министрами, руководителями государств, партий, председателями парламентов. Их партнеры по диалогу — наши молодые лидеры — тоже растут, общение продолжается, понимание, возникшее в юности, развивается на уровне серьезных политических институтов.

Разве это замкнутая бюрократическая работа?

— Должен быть какой-то простой метод, позволяющий человеку вроде вас, на которого надвигается неорганизованный поток событий, вестей, людей и прочее, не только встречать его спокойно, но суметь не забыть, для чего, ради чего эта ежедневная борьба.

— В международных молодежных делах, как вообще в работе с молодежью, по-моему, надо постоянно стремиться к инновациям¹. Отработала форма два года — точка. Выбросили. Отработала идея полтора года — выбросили. Взались за новую. Даже если она сейчас еще работает, она завтра износится. С опережением надо работать.

— Как мне нравится то, что вы говорите! Наверное, ничто так не уберезет от косности, как подозрение, что в живой работе нет «вечных» средств. Конечно, жалко иногда выбрасывать «по-

¹ *И н н о в а ц и я* — новые представления о чем-либо старом.

что новую вещь», которая «еще могла бы послужить». Но не выбрасывал, не выбрасывал — глядь: нищ, гол! И в куче хлама погряз. Вот вы сказали: наступило время широчайших возможностей...

— Да, не осталось «закрытых тем», мы свободно едем общаться, разговаривать в любую аудиторию за рубеж, к любым партнерам. Практически исчезли административные «табу» на контакты. Мы самостоятельно взвешиваем политическую целесообразность, но и отвечаем за последствия по большому счету. Много чего было за тот год, который я здесь «отстучал»! Я доволен, например, тем, что удалось сделать на стратегически важном участке советско-американских молодежных обменов: здесь много нового, опять же не потому, что такой уж умный председатель.

— Чем главным отличаются мероприятия последнего времени от тех, прежних? Хотя бы по форме, по виду.

— В чем, вы хотите спросить, мы видим слабость многих из ранее проводившихся мероприятий? Что ж, она и сейчас не вполне изжита. Это формализация их из страха перед политическими осложнениями. Трескучие, парадные открытия-закртия, сосредоточенность организаторов и участников на бумаге, на «заключительном документе», который преподносился и воспринимался как «главный политический результат». Сейчас мы признаем, что далеко не всегда бумага — победа. Наоборот, иногда ее отсутствие — это достижение. Когда люди озабочены, чтобы все было в первую очередь правильно в финальном документе, они не могут в полной мере думать о содержательной стороне собственно дискуссии.

— Я помню случаи, когда на таких встречах ваши ребята ночи напролет проводили за выработкой заключительного документа, а днем дискуссия разваливалась по «тысяче причин»...

— Бывало и такое... и есть порой еще. Но я все чаще встречаю коллег, да и не только коллег, а просто советских ребят, которые научились свободно, открыто, ну как-то даже с глубокой мыслью выступать! Они начинают понимать, что вовсе не обязательно говорить от имени Советского Союза, ВЛКСМ — говорят от себя лично! Форумы «нового духа», готовности слушать, слышать, понимать — их теперь много. Сейчас успех или неуспех большей части мероприятий КМО зависит от того, было ли реальное общение. Хочется, чтобы все это так понимали. Но, все равно, многие ребята остаются... очень зашоренными. Особенно когда они приезжают на мероприятия изда-лека, с территории.

— ...С территории СССР?

— ...Да. Трудно бывает объяснить, что собственная мысль дороже, чем выученная наизусть бумага.

— Мы подошли к обсуждению проблемы, которая лично мне представляется самой важной. Итак, вернемся к советской молодежи! Вернемся от высоких сфер к «зашоренным ребя-

там», которые пока еще убеждены, что, встречаясь с американцем, шведом, тоголезцем, турком, они являются по меньшей мере посланцами всей славной советской молодежи. Давайте подумаем о тех, кто неотличим друг от друга, временно покинув свою «территорию» и оказавшись на чужой.

Ведь пока ваши коллеги и вы, так сказать, дышали воздухом международных контактов, эти ребята, ради которых, собственно говоря, ваш комитет и контактирует с будущими главами государств,— эти ребята сидели где-то у себя в Воркуте, читали «трескучие» газеты, слушали «треск» на пионерских линейках. Они не новенькие, родившиеся вместе с духом гласности, они уже в о с п и т а н н ы е. И порой воспитанные неважно. Что сказать им, кроме: не будьте зашоренными?

Итак, мой вопрос: в чем заключается ваше личное, председателя КМО, недовольство советской молодежью?

— ...Будем честны. По возрасту я уже не вполне вписываюсь в понятие «молодежь», но по содержанию профессиональных занятий и психологически не отделяю себя от нее. Теперь вы предлагаете мне обсудить тему «Молодежь»... Сидеть и рассуждать, «какая у нас молодежь пошла» и как я ею, возможно, недоволен. Позвольте в ответ улыбнуться... хотя иногда уместнее ухмыльнуться.

Молодежь, ее черты и прочее: я не думаю, что в ходе перестройки здесь произошли какие-то революции, или что мы сейчас получили то, чего три года назад не имели. Нет, так я не могу сказать. Ну, чего мы не имели?

— Не имели того же, чего весь советский народ не имел: для начала открытого доступа к информации о действительном положении вещей. Все беды отсюда.

— Возможно. Сейчас мы высказываемся смелее. Но ведь если кто и позволял себе эту роскошь и раньше — да еще смело, «оголтело», без оглядки — так то и была в основном молодежь.

— Иногда то была смелость без знания того, куда ее применить.

— ...Смелость по неопытности? И сейчас происходит то же. Но выбор делается более... осознанно, что ли. Это хорошо. Мало? Все равно: в этом отношении свехреволюций я не заметил. Вот другое: возможность занять соответствующее творческому потенциалу место в обществе. Сдвиги здесь есть. Есть удлиняющийся ряд примеров молодых лидеров, которых **избрали** на место руководителя. Если подобная система станет у нас правилом, то молодежь действительно получит шанс занять достойное место в обществе. Но пока отдельные примеры не норма еще!

— Да, мы говорим именно о достоинстве молодежи, и без возвращения молодежи чувства собственного достоинства и сознания у ч а с т я в жизни — без этого абсолютно бесполезны и даже вредны попытки «обучить» молодых людей «с мыслью» выступить на

дискуссиях, скажем, на телемостах (мы продолжаем видеть подчас удручающие тому доказательства!), и вести себя свободно и раскованно, отрываясь от своей отдаленной «территории».

— Это доказательство того, насколько органично международная работа, скажем, КМО, связана со всей атмосферой внутренней жизни страны. Но мне представляется, что общая ситуация соревновательности в обществе естественным образом приведет к повсеместному сочетанию в разных комбинациях людей опытных, кто может уже доказать, что что-то видел, умеет, знает, понимает лучше других, и людей, которые привлекательны прежде всего своей энергией, напором, в известной мере — обещаниями... завтрашним днем.

— Это у нас есть?

— Далеко не всегда. Произошло некоторое омоложение высших эшелонов власти. Омолодились собственно «молодежные кадры». Напомню: первому секретарю ЦК комсомола тридцать пять лет.

— Прекрасно. Мы с ним ровесники, и он молод для своей должности, а я уже нет. Вот что значит стереотипное восприятие руководящего лица!

— Это не для печати, но у нас есть своя внутренняя шутка. Мы говорим: если бы Виктор Мироненко уходил на заслуженный комсомольский отдых так же, как это делали некоторые руководители до него, то ему это предстояло бы сделать уже в третьем безъядерном тысячелетии.

— Дайте подсчитать...

— Поверьте на слово. Впрочем, меня волнует в первую очередь то, что творится в производительных сферах.

— Эти «сферы» — то физически ближе молодежи: каждый день перед глазами — вот откуда черпаются доказательства и опровержения лозунгам.

— Вот где отчаянно нужны идеи и здоровье молодых. Не все заимствованное из зарубежного опыта у нас «срабатывает», но посмотрите, как формируется состав творческих руководящих кадров крупнейших корпораций в США, в Японии. Там она или он в возрасте от двадцати пяти до пятидесяти отдадут работе буквально все. Руководители работают, бывает, по 18 часов, и не из-под палки, а сами, сознательно. Разумеется, имея для этого сильный стимул. Полагаю, что и в наших условиях будет в интересах государства, общества дать возможность каждому свой самый творческий период отдать и получить максимум. Наверное, такой взгляд может вызывать и возражения.

— ... традиционные.

— Но из-за этого мы часто и проиг-

рываем! Я, к сожалению, не вижу достаточно серьезного разговора на эту тему. Многие другие вопросы — открыли. А эта зона обделена вниманием.

— Ее трудно обсуждать некомпетентно.

— Это верно, она имеет чувствительные аспекты. Здесь нельзя ограничиться осуждением одного-трех-пятнадцати бюрократов, которые «закрывают» и «не дают» — нет, все наше общество так живет! У нас в традициях «равняться на ветеранов», всячески проявлять к ним внимание и уважение. Это правильно, это придает обществу определенную стабильность. Но при утере чувства меры может привести и к застою, хотим мы того или нет.

— Похоже, что я забросаю вас лозунгами, но почему же так в ходу безупречно демагогический прием: все требования молодых порой атакуются встречным ударом: «А что ты — сделал, совершил и проч., чтобы сейчас требовать?» Естественный ответ: пока еще ничего особенного — и молчок. Пожалуй, только «афганцы» по праву парируют этот выпад.

— Пока что наперечет новые возможности, предложенные молодежи. Речь, разумеется, не о терпимости к молодежной моде или тому подобных вещах. О большом. О доверии в деле.

— Давайте подумаем о действительных причинах того, что мы до сих пор не беремся за эту область. Чрезвычайно «чувствительную», как вы сказали.

— ...Я склонен многое объяснять историческими причинами, хотя такой подход не всегда адекватен проблеме.

Мы — в значительной мере традиционалистское общество. В чем-то даже патриархальное. Многие отголоски прошлого проявляются именно в этом. Говорят, что молодость в своем стремлении поскорее занять позиции в жизни бывает жестока. Бывает. И это усиливается тем, что наше общество практически не имеет институализированной защиты старшего поколения, механизма социальной заботы о нем, которые существуют в других странах. Я это видел, например, в Китае. Становится более ясно, почему ветераны чувствуют себя неуютно, как говорят, «цепляются».

— За свои должности, за свои идеи, моложавость...

— Оказавшись «вне», они нередко оказываются совсем без дела. Нет разумного использования их опыта, наработанной годами интуиции, остающейся энергии. Практически неизвестен институт советников, консультантов. То, до чего додумались китайцы — для нас пока красивая мечта. Как и многое из области общественного статуса молодежи.

— Я вспомнила «шутку» сатирика: «Что вы там — молодежь, молодежь! Да захотим, у нас вообще молодежи не будет!»

— Конечно, это не более чем социальный антиреверанс. Была молодежь и будет. Причем именно такая, какую данное общество заслуживает.

— Другими словами, молодежь может стать наказанием обществу.

— В случае, если было много прегрешений — конечно. Молодежь много, почти все наследует. Семена прошлого в ней прорастают.

— Что собой представляет наша молодежь?

— Лично мне кажется, что у нас совершенно нормальное поколение людей, выросших в обществе искусственно бесконфликтном... Поколение, живущее сравнительно сыто (надо съездить в Африку, чтобы понять, что это так). Поколение, не знавшее взрывов снарядов.

— Если исключить Афганистан.

— Согласен. До Афганистана мало кто из молодых познал страх и смелость в бою!.. Это к тому же поколение людей, привыкших верить, что мы живем в самой большой, самой богатой, вообще в самой-самой стране.

— Скорее это американский гипертрофированный патриотизм.

— На свой мотив «Широка страна моя родная!..». Потом оказалось вдруг, что в чем-то страна «самая», а в чем-то далеко нет. Одна из задач утверждения в жизни и политической практике идей нового политического мышления как раз и состоит в том, что надо воспитывать правильное понимание исторической роли нашей страны и ее народа. Не считать, что мы умнее всех других только потому, что социалистическая революция впервые в мире произошла в России.

— Здесь я вижу корень наших обидчивых амбиций... да и показухи, порой желания отгородиться от остального мира, порой высказаться в том же духе, что и «ветераны»: мол, вы попробуйте испытать с наше!.. Бедность, бедность во всем этом, страх увидеть, как стремительно движется вперед мир открытий, технологии, творчества.

— Мы теряем ориентацию в собственной системе координат, когда вдруг маленькая, лишенная сырья Япония становится тем, чем она оказалась. Впрочем, мы не одиноки в своем удивлении, но ведь от этого не легче.

«Мы» звучит у меня как обобщение. На самом деле у нас масса умных людей, которые — я еще не родился — все прекрасно понимали. Проблема в том, что их взгляды остаются точкой зрения меньшинства.

— Вы не хотели давать уроки, сове-

ты молодому человеку, но то, что вы говорите, — отличный урок.

— Если чего нашей молодежи серьезно и не хватает, то это смелости мыслить и действовать индивидуально, говоря на молодежном жаргоне, готовности «высунуться». В этом смысле мы истинные дети коллективистского общества, которое долго «созидалось» по принципу: «Не высывайся!» Сейчас об этом много говорят в печати. Накаляются страсти. Открылась еще одна обширная, политически непростая и болезненно воспринимаемая многими тема. Мы по традиции считали, что ориентация на интересы личности противоречит нормам общества, руководствующегося принципом «коллектив всегда прав». Только теперь начинаем подвергать это сомнению.

Я выстрадал понимание, хотя и продолжаю нередко конфликтовать по этому поводу, что здоровый индивидуализм, если отвлечься от трафаретных политических ассоциаций и не прятаться за синонимы «инициативность», «желание проявить себя», — такой индивидуализм есть важнейший фактор в развитии всякого общества. Любая гениальная или не очень гениальная мысль — сначала родилась в чьей-то голове, в мозгу индивидуума. Поощряя индивидуальное творчество, мы обогащаем всех, и наоборот, общество «под линейчку», считающее идеалом, когда все думают одинаково, — это общество, по сути, бесплодное.

Индивидуальность, личность должна иметь право быть признанной, будь то в сфере экономики, в искусстве, науке или политике. Общество, которое приветствует и награждает лучшие мозги, лучшие руки, лучшие таланты, неизбежно более богато.

— Скажите нашим читателям, зачем понадобилось доводить веру в коллектив до абсурда.

— Вы намекаете на манипуляцию сознанием масс? По-видимому, причина глубже. Где-то, на определенном этапе развития нам казалось, что мы просто не можем позволить себе яркое и смелое проявление индивидуальностей. Мешали и догмы, вредные идеологические установки. На мой взгляд, имело место и попросту неправильное понимание принципов социализма. Решили, что социализм — это когда всем поровну, что это «всем коллективом, ура, вперед!». Однако и социалистическому обществу только хуже оттого, что отдельные личности не имеют стимула выкладываться.

Утверждают, что в экономике административные методы на каких-то этапах были более продуктивными. Беспрекословное подчинение требовало

утверждения коллективистской психологии. Достигалась кажущаяся стабильность общества. Теперь поняли: это ошибка. Двигаться вперед можно, только сломав в себе этот комплекс. Скажу так: перед нами стоит необходимость восстановить «культ» личностей, личностей. Надо уйти от схем, от «линейки», от горшков в рядок и марширования в ногу.

— Знаете ли, ваше интервью мы предполагаем опубликовать в номере, посвященном юбилею комсомола.

— Вы не предупредили меня об этом.

— Сказалось предубеждение, плохой опыт: я боялась «политической трескотни», юбилейной речи. Теперь вижу, что мой страх был бы напрасен. Мне нравится наш начавшийся разговор.

— Он лишь начался?

— Разумеется! Я наблюдала — и пусть это сделают наши читатели тоже, — как мы в разговоре шли от «официальной беседы», от обмена вопросами-ответами к труднейшему обсуждению труднейшей проблемы. Как назвать ее? Нравственностью молодого поколения? Ее обязанностями перед собственной историей, перед миром знаний? Это проблема бесстрашия. Это проблема чести. Разве этот широкий круг проблем не входит в программу юбилейных торжеств? Что касается международной деятельности советской молодежи, то для меня равно важно то, что вы говорили, приводя факты успешной деятельности, и важен ваш озабоченный, серьезный тон — я вижу перед собой воспитанника комсомола, я вижу личность, развитию которой международная деятельность максимально способствовала. Это не комплимент!

— Лично я уверен, что социализм, стимулирующий индивидуальную инициативу в условиях общественной собственности на средства производства, — и есть тот исторический ответ обществу капиталистического предпринимательства, который мы ищем уже более семидесяти лет. Если идеи перестройки материализуются, нашим молодым ребятам не придется бояться выделиться. Это относится в равной мере и к оригинальным идеям, и к цвету волос. И вот еще что: на Западе это тоже понимают.

— Мое предложение: продолжим разговор. Я уверена, что читатели захотят в нем участвовать. Пока же: примите мою благодарность. До встречи.

— Согласен. До свидания.

Фото С. ВЕТРОВА

1

Это было июньской ночью 1986 года. По склонам Эльбруса к вершине поднималась странная группа альпинистов. Группу составляли люди из двух стран — СССР и США. Но восхождение было необычно не только тем, что в нем участвовала международная команда. Оно было необычно и разной подготовкой участников. Одни — это были советские участники — шли ловко и скоро; это были профессионалы гор, люди, владевшие навыками восхождений. Другие — это были американцы — поднимались с трудом. Лишь один из них поспевал за нашими. Остальные тяжело одолевали склоны, сгибаясь под тяжестью рюкзаков. Всякий, хоть немного знакомый с альпинизмом, увидев их, сразу понял бы, что они новички в этом виде спорта.

Команда, шедшая на Эльбрус, состояла из врачей. Советские и американские врачи вместе проводили отпуск. Идея такого восхождения была выдвинута американским комитетом организации «Врачи — за мир»; после восхождения, через год, следующим летом должен был последовать советско-американский байдарочный поход по Атлантике, вдоль восточного побережья США. Американские врачи, участвовавшие в восхождении и походе, в спортивном смысле все были любителями. Они и на байдарках гребли хуже, чем наши. Наши были профессионалами в двух областях — в медицине и спорте. Среди советских участников были такие люди, как участник восхождения на Эверест, врач Московского физкультурного диспансера Вячеслав Онищенко, мастер спорта по альпинизму, главврач спорткомплекса в Крылатском Вячеслав Романов и Ольга Коршунова, имеющая по альпинизму второй разряд и работающая участковым врачом-терапевтом в одной из поликлиник Зеленограда.

2

Ольга Коршунова: девушка в пышной шубке, красном кокетливом беретике и сапожках. На ушах у нее висят красные пластмассовые сердечки. Шубка придает ей вид взрослой и богатой женщины. Она снимает ее — и оказывается вдруг меньше и проще, чем казалась. Одергивает свитерок, садится, смотрит неуверенно и выжидательно своими зеленоватыми глазами.

ДИПЛОМАТИЯ БАЙДАРОК

А. МИХАЙЛОВ

У нее маленькие, детские руки с крохотными, коротко подстриженными ногтями.

Мы говорим с ней о том, что вообще такое это было: восхождение и поход. Просто туризмом это не назовешь, нет. В туризме главное — путешествие, передвижение из пункта А в пункт Б. Тут же и Эльбрус был важен, и Атлантика, но все-таки было и что-то еще, что превращало обыкновенный турпоход в необыкновенное событие. Это «что-то» — что это? Люди не просто передвигались в пространстве — люди в мыслях и чувствах шли навстречу друг другу. И именно поэтому разная спортивная подготовка не играла тут особенной роли. Наоборот, она давала возможность помогать, сотрудничать, преодолевать вместе. И в этом была суть. Так что же это было? «Народная дипломатия, есть теперь такое слово», — полувопросительно, полутвердительно говорит Ольга Коршунова и смотрит мне в глаза: ждет одобрения.

3

Народная дипломатия — само сочетание этих двух слов кажется противоречивым. Издавна народ не имел ничего общего с дипломатией. В XVIII веке дипломатия была делом вельмож в обсыпанных пудрой париках, с бриллиантовыми пуговицами на кафтанах и в туфлях на красных каблуках. Век спустя дипломатия продолжала быть, чем была: умственным фехтованием Талейрана и Меттерниха, закулисным противоборством Бисмарка с Горчаковым, все подробности которого были покрыты для современников «непроницае-

мой тайной» (как сказано в одной из старинных бумаг). Правда, великие революции впускали ветер в дипломатические канцелярии, ворошили бумаги в секретных сейфах и меняли людей в посольских особняках. Американская революция сделала дипломатом демократа и ученого Франклина. Революция 1917 года в России заявила 26 октября на весь мир о том, что «тайную дипломатию Правительство отменяет, со своей стороны выражая твердое намерение вести все переговоры совершенно открыто перед всем народом...». Это была попытка сделать дипломатию ответственной перед народом, народу передать право выбирать между войной и миром. Создание атомной бомбы устранило выбор: ни один народ ни на одном референдуме не выскажется за войну, в которой погибнут все. В начале восьмидесятых годов народная дипломатия, то есть дипломатия, главными героями которой являются не специально назначенные чиновники, а простые люди, стала превращаться в мощную общественную силу. Возникли организации «Врачи — за мир», «Учителя — за мир» и даже «Генералы — за мир». Все эти организации имели одну цель: вовлечь в миротворческий процесс как можно более широкие массы людей, создать для людей из разных стран возможности общения, которое сделает невозможным предубеждения и вражду. Скептики говорили и продолжают говорить о том, что это утопия. Разве дружба между Гансом и Полем, Иваном и Джоном способна остановить хоть один танк, хоть одну ракету? Разве после первой мировой войны уже не

было подобного движения масс? Немецкий писатель Курт Тухольский в двадцатые годы писал о том, как немецкие дети ездят на отдых во Францию, как отогреваются во французских домах и дружат с французскими сверстниками — и что же? Пришел 1939 год, и военная машина поставила их под ружье... Но все-таки доводы скептиков, как бы сильны они ни были, не способны остановить волну народной дипломатии, идущую поверх границ, от страны к стране и от континента к континенту. Люди не хотят верить в то, что от них ничего не зависит. Люди хотят что-то делать для мира на Земле.

Восхождение советских и американских врачей на Эльбрус и их байдарочный поход по Атлантике — один из эпизодов этого всемирного движения...

4

До встречи с американцами Ольга Коршунова знала о них и об их стране то же самое, что знаем мы все. Ни больше и ни меньше. Это — набор фактов и фраз, из года в год кочующих по нашим газетам и журналам. «Америка — страна капитала». «Здравоохранение в Америке платное». «В Америке растет безработица». И т. д. Но она не была знакома ни с одним американцем. Она не знала, как они думают, что они чувствуют, не знала, во что верят. Она могла бы, наверное, описать жизнь в США на уровне политических абстракций, но мало что могла бы сказать о том, как устроен американский быт и как американский национальный характер выражает себя в ежедневных ситуациях на работе, дома, в общении. «Оля, как вы представляли себе американцев до встречи? — спросил я. — Можете рассказать?» Молчание в ответ. И правда — что рассказывать? Живого, человеческого знания не было.

Первая встреча состоялась в московском аэропорту Внуково, перед отлетом в Минеральные Воды. Встретились люди, которых разделяли множество барьеров — языковой, политический, даже возрастной (в американской группе был двадцатичетырехлетний доктор Дэвид Кригер, в нашей — пятидесятидвухлетний нейрохирург Юрий Михайлович Филатов). Но трудностей со знакомством не было. Знакомство было радостным. Взрослые люди веселились, как дети. Они бросали друг другу рюкзак, и ловивший должен был выкрикнуть свое имя: «Дэн — Вячеслав — Фил — Наташа — Гейл...» Весело было и потом, когда на турбазе праздновали день рождения Фила и пели под гитару и аккордеон песни «Битлз» и «Здесь вам не равнина, здесь климат иной» Высоцкого. «Мы учили их нашим песням, — говорит Ольга Коршунова и оживает, и зеленые глаза ее светлеют. — Наташа Щербакова — она врач-окулист из первой глазной — играла на аккордеоне. Есть песни, которые у нас всегда поют в горах. Кроме Высоцкого, это

«Домбайский вальс» Визбора, народные «Черный ворон» и «Рябина кудрявая»...» Филу наши подарили деревянный самоварчик-сувенир и льняное полотенце. А американцы ничего не подарили. «Это нас, конечно, удивило. Они его поздравили — и все». Кажется, тут самое время сравнить нас и их: наша щедрость, их скупость... Но не надо. Просто у нас — разный опыт, разные жизни. Мы — разные. Но разве это должно мешать нам в нашем стремлении понять друг друга?

Понять людей — это значит увидеть в них что-то хорошее. «В них есть мужество, в американцах», — говорит Оля Коршунова. Ведь у них только один человек — Фил — имел опыт скалолазания и навыки горных походов. Для остальных Эльбрус, может быть, был первой в жизни горой, на которую они шли. Придавленные рюкзаками, они с часу ночи до девяти утра шли и шли вверх, отставали от наших — и все равно шли. Но сильнее всего поразило Ольгу то, что они шли — улыбаясь! Да, никто из них не лез вверх с мрачным лицом, с угрюмым терпением в глазах. «Они люди такие, что будут умирать — с улыбкой! — в ее голосе сдержанное восхищение. — Все умеют скрыть под улыбкой они». И это касается не только мужчин. Девушки вели себя так же. Наши поднялись на вершину, обнялись там с Филом и пошли вниз, взять у американских девушек рюкзаки. «Но девчонки их, — говорит Оля Коршунова, — их отдавать не хотели. Чуть не плакали, когда наши брали у них рюкзаки». Отчего? Оттого, что была в них гордость, была вера в то, что они должны и могут осилить гору сами. Это улыбочивое американское мужество Ольга Коршунова «открыла» для себя в те ночные часы восхождения. Конечно, она и раньше слышала про то, что американцы живут с улыб-

кой. Но одно дело слышать, читать — другое дело увидеть самой этих девушек и парней, с белозубой улыбкой штурмующих гору... Такие люди достойны уважения.

Потом, в Америке, она почувствовала в американцах еще одно качество, которое трудно выразить одним словом — патриотизм? Уверенность в своем образе жизни? Когда в Нью-Йорке Дэн показывал нашим улицы и небоскребы, лицо его светилось гордостью. «У него на лице было написано: «Америка!» — говорит Ольга. Она тогда — без задней мысли, просто так — спросила его, что за дымка висит над городом, и увидела, как он замялся, как омрачилось его лицо: «Да, это смог... В Нью-Йорке есть смог. — Но тут же спохватился: — Но это только здесь! В других местах воздух чистый!» И он так это говорил, что было ясно — нью-йоркский смог неприятен не только для его легких, но и для его национального самосознания, так же, как чистотой страны он гордится совершенно так же, как хозяин чистотой и порядком в собственном доме. И это не только слова, не только выражения лиц. Однажды во время привала Ольга специально наблюдала, как девушка по имени Гейл убирала угли от костра, пищевые отходы, бумагу. Как старалась эта Гейл! Так стараются в собственной кухне. Гейл совком собрала угли от костра. Она выкопала ямку для пищевых отходов. Она размельчила все, что можно размельчить. Она собрала консервные банки в целлофановый мешок. Кажется, пустяк. Но в этом пустяке — отношение американцев к своей стране и к своей земле, их способ любить родину. Их любовь к родине выражается в том, что они убирают за собой в лесу консервные банки. И не надо смотреть с улыбкой на такую любовь — пусть в ней нет размаха и

позы, но ведь есть же старание и уважение к себе.

Или — ленч. Проплыв на байдарках час-другой, американцы непременно приставали к берегу и делали привал на ленч. Этот ленч Ольгу Коршунову и других наших несколько раздражал. У нас в турпоходах идут энергично, с нагрузкой, стараясь непременно выполнить норму дня, пройти заданное число километров. «Но ленч для американцев — святое». И вот они сходят на берег и едят то, что припасли. «Солнце, жара. Шоколад у них расплавился, сыр течет. Но они все равно это едят». Отчего? Это в них не гонор, не желание потешиться, а воспитанное с детства, от отцов и дедов перенятое убеждение в том, что ленч — непременная принадлежность американского образа жизни. А раз так, то они и на войне, и в аду, и во время байдарочного похода организуют его себе...

Ольга Коршунова рассказывает обо всем этом своим скорым, деловитым голоском. Но иногда взглянет мне в глаза: «Как — интересно?» Она рассказывает о том, «что американцы — копуши», и о том, что в кухнях у них раковины-нержавейки, и про то, что они привыкли непрерывно фотографировать все на свете. И даже находясь в байдарке, бросали весла и брались за аппарат. «Их девушек специально со мной в байдарку сажали, потому что я сильная, я выгребу». Ничего большого, глобального, касающегося политики, разоружения и т. д. она не говорит. Все — о том, как американцы живут, что едят, какие у них привычки и манеры. Сначала мне кажется, что это только вступление, что вот-вот она должна перейти к чему-то более важному. Но потом я понимаю, что напрасно жду от нее чего-то еще. Она хотела американцев понять. Она вглядывалась в их лица, подмечала пустяки и мелочи, в которых проявляет себя американская душа. Пусть есть вещи важнее — но зато это ее Америка, ее американцы. И разве суть народной

дипломатии не в том, чтобы каждый мог взглянуть в лицо своего соседа по земному шару и сделать свои собственные умозаключения и выводы?

5

Народная дипломатия имеет смысл только в том случае, если она действительно народная, то есть если в ней участвуют миллионы. У нас, между тем, в год за рубеж выезжают пока что всего только 750 тысяч человек. Для сравнения — одна Швейцария принимает 80 миллионов туристов в год; только в Испании в 1987 году побывали 7 миллионов англичан, 6 миллионов жителей ФРГ и 10 миллионов французов. Народной дипломатии у нас есть куда расширяться, есть куда расти. Конечно, международное общение миллионов людей не создашь одним волевым жестом. Это вопрос валюты, гостиниц и т. п. Но мы должны ясно представлять себе, какие размеры должно обрести это международное общение для то-

го, чтобы стать тормозом на пути войны. Мы в начале пути.

В конце прошлого века возникло понятие «дипломатия канонерок». Оно означало тот способ межгосударственных отношений, когда все конфликты решаются посылкой эскадр. Так поступала Англия, вслед за ней Германия и Франция... Может быть, сейчас, принимая советско-американский байдарочный поход по Атлантике за точку отсчета и символ, мы введем в нашу политическую лексику термин «дипломатия байдарок»? Это такая дипломатия, которая построена на симпатии и уважении людей друг к другу...

6

Один эпизод особенно ярко запомнился Ольге Коршуновой. Когда байдарки шли по океану — а шли они далеко от берега, часто километрах в пятнадцати, — то к ним часто подходили яхты. «Там много больших яхт. Несколько семей покупают одну такую в складчину». Эти яхты подходили к байдаркам, сверху свешивалась голова: «Кто вы? Откуда?»

— Мы советские. Идем из Айлахоу.

— Советские? — Как правило, человек от удивления чуть не выпадал головой вниз. В Атлантическом океане, в пятнадцати километрах от берега, на байдарках, из Айлахоу — идут советские! Но байдарочники и яхтсмены быстро находили общий язык, наши в двух словах рассказывали и о восхождении врачей на Эльбрус, и о байдарочном походе. Яхтсмены звали к борту домочадцев, все радовались, и спрашивали, и вели тот сумбурный разговор, который только и возможен между незнакомыми, но дружелюбно настроенными людьми. И яхты уходили, и с них кричали что-то приветственное энергично работающим веслами байдарочникам.

Приятно встретиться в океане человеку с человеком!

МЫ МОГЛИ БЫ СПАСТИ ПЕЛТИЕРА

Мы предлагаем читателю записи профессора Эдуарда Аветисова, сделанные им вскоре после визита группы советских врачей-офтальмологов в США для обследования состояния глаз борца за права американских индейцев Леонарда Пелтиера. Имя это известно, разумеется, всем. Но подробности дела — подробности того, как мужественный и честный человек был заключен в тюрьму, осужденный на два пожизненных срока, — эти подробности могут уже изгладиться в вашей памяти, и тут вина не памяти, а времени: слишком долго не удается выволить из тюрьмы совершенно безвинного человека.

Это не детективная история. Это — печальная история. Профессор Аветисов присовокупил к своим записям документы: официальные заявления, телеграммы, письма, заметки в прессе. Все это вместе образует как бы две «сюжетные линии» рассказанной им истории: движение навстречу страдающему человеку и «движение» против.

Э. С. АВETИСОВ,
профессор

Кто такой Пелтиер! (широко известные факты)

Леонарду Пелтиеру сорок три года. Он родился в резервации «Тертл Маунтин» в Северной Дакоте. Отец — индеец из племени чиппева, мать — из племени сиу. С юности Леонард включается в борьбу индейцев за свои права, вскоре становится лидером «Движения американских индейцев» (ДАИ). Роковую роль в его жизни сыграли события в поселке Вундед-Ни и резервации Пайн-Ридж в Южной Дакоте.

События 1973 года, когда отчаявшиеся индейцы подняли бунт в Вундед-Ни, и гибель двухсот из них — от пуль или от побоев — открывают счет жертв. Этот бунт, в котором принимал участие Пелтиер, дал основание ФБР считать индейского лидера особо опасным экстремистом. Совершенно очевидно, что именно с семьдесят третьего года за Пелтиером установлена слежка. Но, собственно, поводом к расправе над ним послужили более поздние события — столь же варварские по отношению к индейцам.

В июне 1975 года на скотоводческую ферму в той же резервации Пайн-Ридж ворвались агенты ФБР и арестовали Джимми Игла за «кражу ковбойских сапог». Протест соседей Игла вызвал ни больше ни меньше, как огонь со стороны блюстителей порядка. Так была спровоцирована перестрелка, в результате которой было убито два

ИДЕИ Е

«EAGLES» («Иглз»), группа «Орлы» образовалась в 1971 г. в США.

Исходный состав: Дон Хенли, уд., вок.; Glenn Фрей, гит., клав., вок.; Берни Лидон, гит., банджо, мандолина, вок.; Ренди Мейснер, бас, гит., вок.

Фрей и Хенли познакомились в группе Линды Ронстадт, позже к ним присоединились Мейснер, игравший в группе «Поко», и Лидон, игравший в группе «Флайинг Беррито бразер». В 1972 г. музыканты отправились в Лондон, где под названием «И.» записали первый альб. В начале 70-х для «И.» были характерны мелодичные композиции, аранжированные в традиционном для юга США стиле, то есть в песнях отчетливо прослушивались кантри, соул, с заметными элементами «нового южного рока».

В 1976 г. «И.» записали свой самый сильный диск «Отель «Калифорния»: к тому времени в группе появился Джо Уолш, молодой, но очень яркий гитарист, и под его влиянием музыка «И.» стала более динамичной, а вокальные гармонии кантри-рока прекрасно вписались в жесткую хард-роковую структуру композиций, к которой тяготел Уолш. «Отель «Калифорния» в течение месяца стал «платиновым», как и следующий альб. «Бесконечный бег», хотя справедливости ради, надо сказать, что эта пл. явно уступала предыдущей в мелодичности.

К концу 70-х «И.» стали одной из наиболее популярных в Европе амер. групп, но на фоне впечатляющего коммерческого успеха в группе зрел творческий кризис, который привел к распаду «И.» в 1981 г.

Пл.: The Eagles, 1972; Desperado, 1973; On the Border, 1974; One of These Nights, 1975; Hotel California, 1976; The Long Run, 1979; Eagles Live, 1980.

Изменения состава: 1974 + Дон Фелдер, гит., вок.; 1975 — Лидон; 1976 + Джо Уолш, гит., вок.; 1977 — Мейснер, + Тимоти Би Шмит, бас, вок.; 1979 + Джо Вайтели, клав.

«EARTH, WIND AND FIRE» («Ерс, уинд энд файер»), группа «Земля, ветер и огонь» образовалась в 1969 г. в США.

Исходный состав: Морис Уайт, вок., калимба, уд.; Вердайн Уайт, бас; Дональд Уайтхэд, клав.; Уэйд Флемонс, клав.; Майкл Били, гит.; Филлард Уильямс, уд.; Честер Уошингтон, труба; Лесли Дрейтон, труба; Алекс Томас, труба; Шерри Скотт, вок.

Стиль этой группы все рок-энциклопедии определяют однозначно: «черный поп», хотя в действительности музыка «Е. у. ф.» несет в себе гармонии госпелс, ритмы латиноамериканского фанка, вокальные ходы соул, мелодические приемы фьюжн и джаз-рока. Бессменный лидер группы Морис Уайт — музыкант с консерваторским образованием, этим отчасти объясняются безукоризненные аранжировки композиций. Несколько позже к группе присоединился прекрасный инструменталист и вокалист Филип Бейли: творческий тандем Уайт — Бейли и по сей день обеспечивает группе стабильный успех.

«Е. у. ф.» записали более 20 пл. — мы отметим только самые известные.

Пл. (выборочно): Earth, Wind and Fire, 1970; The Need of Love, 1972; Head to the Sky, 1973; Another Time, 1974; Spirit, 1976; I Am, 1979; Raise, 1981; Electric Universe, 1983.

Состав 1988 г.: М. Уайт, В. Уайт; Роланд Баутиста, гит.; Филип Бейли, вок., уд.; Ларри Данн, клав.; Джонни Грэхем, гит.; Ральф Джонсон, уд.; Фред Уайт, уд.; Эндрю Вулфолк, труба.

EDDY, DUANE. Дуэйн Эдди, род. 26 апреля 1938 г. в Нью-Йорке, США.

Начал играть на гит. в пятилетнем возрасте, учился в нескольких муз. школах, но ни одну не закончил. К 16 годам уже выступал в составе профессиональных ансамблей и брал уроки игры на гитаре у Чета Эткинса (см. «РЭР»

№ 11/87). Плодотворным оказалось сотрудничество с известным продюсером Ли Хейзлвудом; такие песни Д. Э., как «Зачинщик бунта» (1958) и «Сорок миль по плохой дороге» (1959), входили в амер. хит-парад несколько лет. К началу 60-х Д. Э. был уже признанным гитаристом, его манере игры пытались подражать (одним из первых последователей Д. Э. стал Джордж Харрисон). Его технику специалисты называли «мягкой поступью»: обычную 6-струнную гитару Д. Э. настраивает на октаву ниже принятого строя, а сольные партии предпочитает исполнять на верхних басовых струнах, причем, традиционный гитарный «перебор» в исполнении Д. Э. звучит как мягкий рокот, что, видимо, и определило название его манеры.

70-е прошли в напряженной работе с самыми разными музыкантами, которым Д. Э. помогал во время студийных записей. Гитарист много гастролирует, а поскольку сейчас в Европе наблюдается возрождение интереса к музыке рокабилли, выступления Д. Э. неизменно проходят с большим успехом и практически все последние пл. пионера стиля становятся «платиновыми».

Пл. (выборочно): Have Twangy Guitar Will Travel, 1958; Songs for Our Heritage, 1960; Girls, Girls, Girls, 1961; In Person, 1962; Twangy Guitar, 1970; Duane Eddy Guitar Man, 1975; String Machine, 1985; Soul Mine, 1988.

«ELECTRIC FLAG» («Электрик флэг»), группа «Электрический флаг» образовалась в 1967 г. в США.

Исходный состав: Майкл Блумфилд, гит.; Бадди Майлз, уд.; вок.; Барри Голдберг, клав.; Ник Грейвинайтс, вок.; Харви Брукс, бас; Питер Страцца, тенор-сакс.; Маркус Даблдей, труба; Херби Рич, баритон-сакс.

Организовал группу Блумфилд, игравший до этого в группе Пола Баттерфилда (вместе с Грейвинайтсом), позже к ним присоединились Голдберг и Страцца, сотрудничавшие со Стивом Миллером. Остальные музыканты также имели солидный послужной список: Майлз играл у Отиса Реддинга и Уилсона Пикетта, Брукс участвовал в записях пл. «Дорз» (см. «РЭР» № 9/88) и Боба Дилана (см. там же), Даблдей еще в начале 60-х работал с «Дрифтерс».

Дебют «Э. ф.» состоялся в июне 1967 г. на фестивале поп-музыки в Монтре, и первая же пл. группы попала в хит-парады. Вскоре Блумфилд ушел, и лидером «Э. ф.» некоторое время был Майлз, но и он покинул группу, присоединившись к Джими Хендриксу. Грейвинайтса пригласила Дженнис Джоплин, и группа распалась.

В 1974 г. Блумфилд вновь собрал «Э. ф.» — на этот раз к ним присоединился известный бас-гитарист Роджер Трой. «Э. ф.» записали один альб. и вновь распались. Не было бы смысла упоминать эту группу в «РЭР», если бы не музыканты, входившие в ее состав: достаточно того, что они привлекли внимание таких исполнителей, как Хендрикс и Джоплин, и, честно говоря, блюз-рок, который исполняли «Э. ф.», — одна из лучших моделей стиля, практически не претерпевшая изменений и в наши дни.

Пл.: A Long Time Comin', 1968; The Electric Flag, 1969; The Band Kept Playing, 1974.

Изменения состава: 1968 — Блумфилд; 1969 — Майлз, — Грейвинайтс (группа распалась); 1974 — реорганизация группы в составе: Блумфилд; Голдберг; Майлз; Грейвинайтс; Роджер Трой, бас.

«ELECTRIC LIGHT ORCHESTRA» («Электрик лайт оркестра»), группа «Оркестр электрического света» образовалась в 1971 г. в Бирмингеме, Великобритания.

Исходный состав: Рой Вуд, вок., гит.; Джефф Линн, вок., гит., синтезатор; Бив Бивен, уд., вок.; Стив Вулэм, скрипка; Билл Хант, духовые.

«ЭЛО» образовались на базе распавшейся к тому времени группы «Мув», которая одной из первых (вместе с «Муди блюз» и «Аглиз») начала сочинять композиции в стиле арт-рок (см. «РЭР» № 10/87). Идея создания «ЭЛО» в первую очередь преследовала цель расширить возможности стиля, переводя его в русло оркестрового рока.

Вскоре после записи первого альб. Вуд вышел из состава «ЭЛО» и организовал собственную группу «Уиззард» («Колдун»); Линн, ставший лидером «ЭЛО», пригласил в группу не только рок-музыкантов, но и профессиональных исполнителей классической музыки. Вплоть до 1974 г.,

«...Песня словно вода, что оmyвает камни, словно очищающий ветер, словно огонь, который нас объединяет, песня живет в людях, чтобы сделать их лучше...» Это слова из письма Виктора Хары его жене Джоан (воспоминания Джоан Хары «Ровесник» опубликовал в № 3—12 за 1984 год). Почему мы здесь, на странице, посвященной истории популярной музыки, обращаемся к Виктору? Виктор Хара прежде всего был певцом и автором песен, популярных не только в Чили, но и во всем мире, и его песни живы и будут

жить. Его произведения записывают на пластинках самые известные рок-музыканты мира — например, англичанин Роберт Уайатт; американскую группу «Мистер Мистер», совсем недавно отправившуюся на гастроли в Чили, пиночетовские власти выставили из страны — за то, что музыканты на концерте сказали о своей любви и уважении к памяти Виктора Хары и всех убитых охранкой чилийских демократов... Список этот можно продолжать: «песня живет в людях, чтобы сделать их лучше».

когда был записан один из лучших дисков «Эльдорадо», музыка «ЭЛО» представляла собой причудливый калейдоскоп ярких мелодий, превосходно аранжированных под «классику» средствами софт- и симфо-рока.

В дальнейшем в композициях группы стали отчетливо прослушиваться ритмы диско — в полном соответствии канонам этого стиля был записан альб. 1979 г. «Открытие». Линн пытался уйти от диско-ориентации (отчасти ему это удалось во время работы в кино), но стиль оказался навязчивым, и в 1983 г. было объявлено о роспуске группы.

В 1986 г. Линн вновь собрал «ЭЛО» и группа записала пл. «Баланс силы», которая если и не до конца свободна от дисконаваждения, то, во всяком случае, больше напоминает ранние работы «ЭЛО», чем все предыдущие альб., выпущенные группой в 80-е.

В 1987 г. Линн продюсировал новый диск Харрисона (см. «Ровесник» № 8/88) и принимал участие в его записи. О распаде «ЭЛО» больше не заявляли, но и новых пл. пока тоже не было.

Пл.: Electric Light Orchestra, 1971 (в США эта пл. вышла в 1972 г. под названием «No Answer/ELO»); «ELO-2», 1973; On the Third Day, 1973; Eldorado, 1974; Face the Music, 1975; New World Record, 1976; Out of the Blue, 1977; Discovery, 1979; Xanadu, 1980 (музыка и песни из одноименного фильма: первая сторона пл. — Оливия Ньютон-Джон, вторая — «ЭЛО»); Time, 1981; Secret Messages, 1983; Balance of Power, 1986.

Изменения состава: 1972 — Вуд; +Ричард Тэнди, клав., гит., +Майкл де Альбукерк, бас, +Майк Эдварс, виолончель, +Колин Уолкер, виолончель, +Уилф Джибсон, скрипка; 1973 — Уолкер, — Джибсон, +Хью Макдауэлл, виолончель, +Мик Камински, скрипка; 1974 — де Альбукерк, — Эдвардс, +Келли Граукатт, бас, вок., +Мелвин Гейл, виолончель; 1975 — Граукатт, +де Альбукерк; 1976 — Эдвардс, +Граукатт; 1977 — Камински, — Макдауэлл, — Гейл, — Эдвардс; 1983 — группа распалась; 1986 — «ЭЛО» реорганизовались в следующем составе: Линн; Бивен; Тэнди; Гейл; Граукатт; Камински; 1987 — Бивен.

«ELEPHANT'S MEMORY» («Элифентс мемори»), группа «Слоновья память» образовалась в 1967 г. в США.

Исходный состав: Рик Фрэнк, уд.; Стен Бронстейн, вок., сакс., кларнет.

Начинал дуэт с выступлений на улицах Нью-Йорка — музыкальная часть этих театрализованных представлений была очень интересной, поскольку представляла собой, казалось бы, невозможную смесь джаз-рока, фанка, психоделического блюза, в основе которой лежали народные мелодии Ближнего Востока. Постепенно в состав микроансамбля вливались новые музыканты (одно время с ним сотрудничала известная амер. певица Карли Саймон) и вскоре «Э. м.» превратились в солидный коллектив (группа записывала музыку к популярному фильму «Полуночный ковбой»).

К началу 70-х в музыке «Э. м.» стал прослушиваться хард-рок, опять же в совершенно неожиданных аранжировках, а пл. «Вынеси это на улицы», 1970, стала очень популярной не только в США, но в Европе.

В 1972 г. группа начала сотрудничать с Ленноном («Э. м.» участвовали в записи альб. Джона и Йоко «Однажды в Нью-Йорке», аранжировали песни к сольной пл. Йоко). «Э. м.» много гастролировали с Чаком Берри (см. «РЭР» № 3/88) и Бо Диддли (см. «РЭР» № 8/88). В 1975 г. группа распалась, оставив заметный след не только в фолк-роке, но и в психоделическом авангарде. (В начале 80-х бывший гитарист группы Текс Габриель организовал ансамбль «Лимузин», который пользуется приемами «Э. м.»).

Пл.: Elephant's Memory, 1969; Midnight Cowboy (музыка к одноименному фильму), 1969; Take It to the Streets, 1970; Elephant's Memory, 1972; Angels Forever, 1974.

Изменения состава: 1969 — Ричард Сассмен, клав., + Майрон Джулс, бас, тромбон, + Джон Уорд, гит., + Ричард Эйрс, гит., + Майкл Джек, вок.; 1970 — Сассмен, — Джулс, — Эйрс, — Джек, +Текс Габриель, гит., +Адам Ипполито, клав., вок., +Гэри Ван Скайок, бас, вок.; 1973 — Ипполито, — Габриель, +Крис Робинсон, гит., клав., вок., +Джон Сэчс, гит., вок.

МЫ МОГЛИ БЫ СПАСТИ

агента ФБР и один из членов ДАИ.

В конце 1975 года Леонарду Пелтиеру и трем другим членам ДАИ было предъявлено обвинение в преднамеренном убийстве. Попутно надо заметить, что никто не собирался обвинять в убийстве Джозефа Станца, застрелившего индейца! До июля 1976 года трое из четырех обвиняемых были оправданы либо по ходу следствия, либо судом. Леонард Пелтиер стал единственной мишенью «правосудия» по делу о преднамеренном убийстве.

18 апреля 1977 года суд на основе сфабрикованных улик признал Леонарда Пелтиера, индейца, виновным по двум статьям обвинительного акта и вынес приговор: двукратное пожизненное заключение. В защиту Пелтиера выступили политические и общественные организации США, других стран, комиссия ООН по правам человека рассмотрела его вопрос. Но пересмотра дела не состоялось.

К этому времени уже надо было вести борьбу за спасение жизни и здоровья Пелтиера. Шел двенадцатый год заключения...

Заявление

«Как стало известно, зрение одного из лидеров американских индейцев Леонарда Пелтиера, находящегося в заключении в США, прогрессивно ухудшается. Необходимая лечебная помощь ему, к сожалению, не оказывается. В этой связи, исходя из гуманных соображений, президиум правления Всесоюзного научного общества офтальмологов от имени своих членов обращается к властям США с просьбой предоставить советским специалистам возможность оказать Леонарду Пелтиеру консультативную и при необходимости лечебную помощь. В этих целях Всесоюзное научное общество офтальмологов пригласило Леонарда Пелтиера приехать в Советский Союз для консультации и лечения».

Телеграмма

«Дорогой Леонард Пелтиер. Зная о состоянии Ваших глаз, правление Всесоюзного научного общества офтальмологов приглашает Вас в Советский Союз для оказания Вам консультативной и по возможности лечебной помощи. Общество берет на себя все расходы по Вашему приезду и пребыванию в Москве... Ждем Вас в Москве. С глубоким уважением, профессор Э. С. Аветисов, председатель правления Всесоюзного научного общества офтальмологов».

Ответ

«Дорогой профессор Аветисов. Я получил Ваше приглашение... Для меня высокая честь, что такие выдающиеся ученые не посчитали для себя за труд проявить искреннюю озабоченность состоянием моего здоровья. Теперь я знаю, что заботу целого народа о судь-

бе отдельной личности можно почувствовать на другом конце земного шара, и это наполняет меня чувством внутренней уверенности... Мы, может быть, узнаем более гуманный мир... завтра.

Мои вещи собраны, и я готов отправиться в путь сразу же, как только получу уведомление. Искренне Ваш Леонард Пелтиер».

Телеграмма

«Вице-президенту США господину Дж. Бушу. Уважаемый господин вице-президент! Мы, советские врачи, крайне обеспокоены ухудшением зрения лидера американских индейцев, борца за гражданские права своего народа Леонарда Пелтиера...»

20 марта 1987 года Всесоюзное научное общество офтальмологов приняло заявление советских врачей, в котором содержалось предложение об оказании Леонарду Пелтиеру помощи, однако ответа на наше предложение мы до сих пор не получили.

Мы обращаемся к Вашей гуманности, господин вице-президент, и надеемся на содействие правительства США в скорейшем разрешении этого вопроса, которое может предотвратить катастрофу, нависшую над человеком. С уважением, профессор Эдуард С. Аветисов».

Из записной книжки

В середине апреля 1987 года в Москве, в составе группы конгрессменов США, находился спикер палаты представителей конгресса США Дж. Райт. Как можно было судить по его газетным интервью, Райт — реалистически мыслящий политик... Мы пытались встретиться с Райтом и наконец просто дождались его у входа в гостиницу «Советская». Вместе со мной были профессор О. В. Кацнельсон, руководитель отделения патологии сетчатки Института глазных болезней имени Гельмгольца, и старший научный сотрудник этого института Т. И. Форофонова. Нас сопровождали представители прессы, телевидения. В вестибюле гостиницы мы прождали около получаса. Наконец группа человек в двадцать быстрым шагом прошла через вестибюль. Мы бросились к ним... и узнали, что встреча с нами не предусмотрена протоколом пребывания господина Райта в СССР. Мы опешили: ответить на это нечего. Однако сам Райт, стоявший несколько поодаль, внезапно подошел ко мне, протянул руку. Я немедленно принялся излагать суть дела, стараясь уложиться в две-три минуты. При имени «Пелтиер» Райт вопросительно взглянул на одного из тех, кто окружил нас плотным кольцом, едва Райт подошел ко мне. «Уголовник-индеец», — бросил тот, как мне показалось, раздраженно. Райт продолжал слушать меня. Я кончил говорить и замолчал, ожидая ре-

акции. Райт сказал, что внимательно изучит наш вопрос.

Недели через три... да, прошло три недели, прежде чем мы снова решили побеспокоить американцев. На этот раз мы составили письмо на имя Рональда Рейгана (к нам присоединилась профессор Э. В. Егорова, директор института имени Гельмгольца).

Письмо

«Уважаемый профессор Аветисов. Спикер Райт поручил мне ответить на Вашу последнюю телеграмму относительно дела Пелтиера.

...Впервые мистер Пелтиер пожаловался на снижение зрения в левом глазу в конце ноября 1986 года. Его несколько раз обследовал офтальмолог, и он получает лечение по поводу своего заболевания.

Я связался с тюремными властями для выяснения возможности консультации мистера Пелтиера квалифицированными советскими офтальмологами. Надеюсь скоро получить от них ответ. Смею Вас заверить, что я буду держать под контролем этот вопрос и немедленно свяжусь с Вами, как только получу ответ. С уважением, Стени Х. Хойер, Председатель комиссии по безопасности и сотрудничеству в Европе».

ТАСС, 18 июня 1987 года, от собственного корреспондента

«Они приедут сюда? — звучит в телефонной трубке взволнованный голос. — Это невероятно. Сегодня один из самых счастливых дней в моей жизни». ...Почти три месяца прошло с тех пор, как Всесоюзное научное общество офтальмологов обратилось к американским властям с просьбой предоставить советским специалистам возможность оказать медицинскую помощь слепнувшему в застенках Пелтиеру.

Из записной книжки

Мы вылетели из Шереметьева 23 июня 1987 года, рейсом Ил-86 на Вашингтон. Летели шесть часов до Нью-Фаундленда, после часовой остановки — три часа до аэропорта Даллас в Вашингтоне. В Москве было десять вечера, здесь — час пополудни. Нас встретил второй секретарь посольства Борис Малахов, сообщил: пока неизвестно, когда и в каких условиях мы будем обследовать Пелтиера. Оказывается, руководители комитета в защиту Пелтиера, созданного в Канзас-Сити, все еще ведут переговоры с тюремными властями. Можно лишь рассчитывать, что наш визит состоится завтра. Следовательно, через три часа нам надо вылетать в Канзас-Сити.

Интервью

«Мы все ждем советских врачей с нетерпением, — сказала корреспонденту «Правды» один из руководителей комитета в защиту Пелтиера в Канзас-

ПЕЛТИЕРА

Сити Нилак Батлер.— Мы очень рады, что все так удачно складывается. Рады, что они осмотрят Леонарда. Конечно, мне хотелось бы надеяться, что это событие привлечет новое внимание к его делу и что, возможно, оно наконец-то будет пересмотрено. Но я в это не очень верю».

Из записной книжки

В аэропорту Канзас-Сити нас встретила Нилак Батлер. С ней сестра Пелтиера. Мы устремляемся навстречу друг другу, и лишь потом я замечаю, что зал аэропорта запружен людьми, которые, это совершенно очевидно, явились посмотреть на нас. Может быть, мы первые русские в Канзас-Сити? Вокруг нас щелкают фотокамеры. Кто-то задает нам вопросы: зачем мы приехали? Нилак Батлер ведет нас сквозь эту толпу к своей машине и по дороге к отелю «Мэриот» сообщает главное: мы должны быть в Ливенуортской тюрьме завтра в одиннадцать.

Спал я в ту ночь плохо. В девять утра, позавтракав, спустились вниз, где нас уже ждет Нилак Батлер.

От Ливенуорта нас отделяют 70 миль.

Несколько минут спустя мы уже несемся по прекрасному шоссе. Нилак Батлер говорит всю дорогу, и я понимаю, что наше присутствие в качестве слушателей для нее чрезвычайно важно. Она говорит о резервациях, о детской смертности среди индейцев, о болезнях. Некоторые факты и цифры нам неизвестны. Она цитирует высказывание Пелтиера: «Наш народ практически истреблен. Мы не обладаем никакой политической властью. Мы не распоряжаемся природными ресурсами. У нас нет экономической власти. Вот на чем основана специфическая, более изоциренная, чем в отношении других меньшинств, дискриминация».

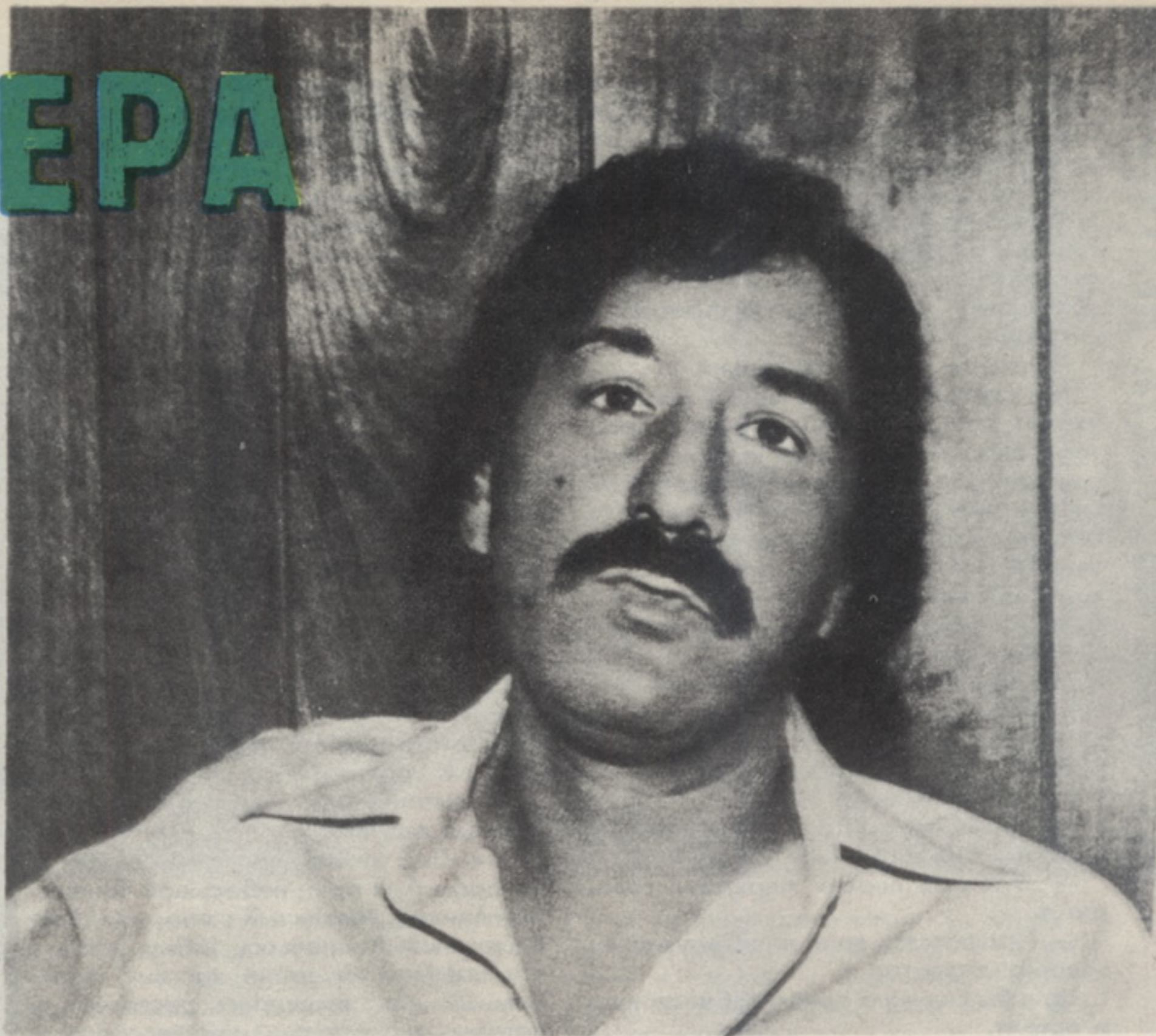
...Тюрьма выскочила за поворотом, явившись на высоком холме в виде внушительного белого здания без окон с внешней стороны. Издалека мы увидели кучку людей перед холмом на лужайке. Ясно: репортеры. Я отказался давать интервью и делать какие-либо заявления. Мы же шли к больному.

Тюрьма Пелтиера

Директор тюрьмы очень обрадовался, когда заметил мой взгляд в сторону многочисленных фотографий на стенах его кабинета.

— Это моя семья,— сказал он как совершенно счастливый и совершенно спокойный за свою совесть человек.

Из пятнадцати человек, сидевших в кабинете директора, двое оказались врачами-офтальмологами. Двое других — журналистка из «Голоса Америки» и личный представитель конг-

рессмена Хойера. Остальные нам не были представлены.

Мы идем к Пелтиеру

Прочная металлическая решетка во всю стену. Охранник отпирает дверь и запирает ее за нами. Проходим через зал. Еще решетка и еще дверь, затем коридор, дверь — и кабинет тюремной медицинской части.

Здесь нас знакомят с историей болезни Пелтиера. В кабинете только один стул. Я сажусь на него, встаю, снова сажусь. Все стоят по стенам свеся руки. Сейчас приведут Пелтиера.

Я ловлю себя на том, что очень хорошо слышу тишину за дверью.

Пелтиер

Все видели фотографии Пелтиера. Иногда, в знак того, что ему приходится испытывать, поверх фото художники газет рисуют символическую решетку, и тогда Пелтиер смотрит сквозь решетку.

В жизни у Леонарда Пелтиера лицо еще мягче, и выражение его доброе. Глаза серо-голубые. Он красивый человек, и с директором тюрьмы они почти одноклассники. Не знаю почему, но волевой и натренированный директор, стоявший рядом с нами, показался мне теперь резиновой куклой. Знаете, куклой для одиноких автомобилистов на ночной дороге. Чтобы издалека казалось, что едет еще человек.

Мы трое крепко пожали руку Пелтиеру, стараясь этим рукопожатием выразить все наши чувства. Остальные стояли неподвижно.

Обследование

Вместе с американскими коллегами мы обследовали Пелтиера. (Действительно, его раньше обследовал при-

бывший сейчас с нами офтальмолог М. Уитакер. Обследовал и назначил лечение. АСПИРИН. Позже, на пресс-конференции, мы, трое врачей из СССР, единодушно высказали мнение, что если лечение — правильное, а не пассивное — было бы начато своевременно, а еще лучше проводилось по методике, разработанной в нашем институте имени Гельмгольца, методике, к которой прямое, авторское отношение имеет профессор Кацнельсон, — зрение бы не ухудшилось настолько. В СССР накоплен опыт успешного лечения более семисот больных с диагнозом как у Пелтиера.)

Диагноз

Диагноз: последствия тромбоза центральной вены сетчатки левого глаза. Тромбоз произошел семь месяцев назад. Этим глазом теперь Пелтиер может различать только пальцы руки, поднесенной близко к лицу. Необходимо, кроме лечения левого глаза, проводить также профилактическое лечение правого. Мы переносим наше заключение, с которым совершенно согласны также и американские коллеги, на бумагу, просим пригласить Пелтиера. Я решаю сам объяснить ему его состояние.

Пелтиер

Он спрашивает только: может ли аналогичное заболевание возникнуть также и на правом глазу? Это совсем не обязательно, говорю я. Однако крайне необходимо время от времени проводить профилактические курсы и использовать наши препараты. Вот наши препараты, говорю я. Они могут, по нашему убеждению, не только остановить прогрессивное ухудшение зрения

в левом глазу, но даже улучшить состояние глаза. Для правого глаза оба препарата должны использоваться как профилактическое средство. Наши коллеги, говорю я, согласились провести это лечение. И коллеги кивают. Важно также — обращаюсь я ко всем присутствующим, — создать для больного обстановку, исключая стрессовые ситуации.

Пелтиера уводят охранники.

Мы сделали все, что могли. Пелтиер уходит, крепко пожав нам руки. Директор говорит: мы хотим устроить специально для вас маленькую экскурсию по нашему заведению. Вы увидите, как заключенные Ливенурта работают — шьют военную форму, например, или изготавливают канцелярские бланки. Однако самые мастерские делают мебель.

Мы идем вслед за ним во имя протокола и действительно видим, что шьют военную форму, изготавливают бланки и делают мебель.

Тюрьма Пелтиера

— Как вы находите тюрьму? — спрашивает меня директор.

— Это моя первая тюрьма, — говорю я.

— Профессор еще и остроумен, — говорит директор.

Но я бы сказал о самом себе: он еще и острит.

Побег

Это всего лишь наш побег — бестолково скучившись, нас ждут журналисты, вот почему вместо машины Нилак Батлер мы оказываемся в апельсинном «лендровере» доктора Уитакера и на скорости рвем мимо репортеров.

Мне не хочется с ними встречаться. Позже — да. Но именно сейчас не хочется. На душе у всех нас нехорошо. Я имею в виду советских.

Уитакер говорит, что у него две машины, «лендровер» — это для охоты, также у него есть самолет.

— О! — говорим мы, чтобы не показаться невежами.

Уитакер радостно смеется, не отрываясь от дороги.

Уровень медицинского обслуживания

Уитакер подъезжает к университетской глазной клинике. Мне очень понравилась эта клиника: отличная современная аппаратура, хорошее диагностическое оборудование, удобные просторные палаты для больных. Очень хороший порядок. Чистота. Очень высокий уровень медицинского обслуживания. Это я искренне говорю Уитакеру. Во время ленча нас приветствуют: директор клиники профессор Т. Лоувилл, очень дружелюбный человек. Лоувилл говорит: приглашаем советских гостей на ужин.

Почему Пелтиер? (заголовки газет и цитаты)

«Советские врачи прибыли для лечения американского индейца, отбывающего тюремное заключение за убийство агентов ФБР». «Это не политическая акция, — заявил на пресс-конференции профессор Эдуард Аве-

тисов». «Они очень приятные люди, — говорит о советских врачах профессор Лоувилл. — Я получил удовольствие от работы вместе с ними». «Американский заключенный был обследован в среду советскими врачами. Была ли в том медицинская необходимость или же это политический маневр?» «Русские утверждают, что он не получает должной медицинской помощи. Мало кто помнит Пелтиера, который был осужден за убийство в ходе произошедшей в 1975 году перестрелки в резервации Пайн-Ридж. Тогда погибли два агента ФБР. А в Советском Союзе Пелтиера считают героем». «Они используют дело Пелтиера в пропагандистских целях на протяжении ряда лет, — заявил конгрессмен Стени Хойер. — Но, хотя многие рассматривают этот визит как еще один залп в пропагандистской войне, некоторые все же считают, что он может стать составной частью потепления перед встречей на высшем уровне».

Торжественный ужин в компании главных врачей

Это был очень приятный вечер, в котором был один небольшой конфузный эпизод, связанный с тем, что Олег Васильевич Кацнельсон забыл взять в эту поездку вечерний костюм, положенный для посещения ресторана и который ему одолжил профессор Лоувилл, чей сын доставил костюм через пятнадцать минут после предупреждения официанта о высоком уровне обслуживания в ресторане.

Ночью звоню в Вашингтон собору «Правды» и узнаю о мнении Уитакера: мы, советские врачи, высокие профессионалы, но в действительности наш визит есть чисто пропагандистская акция, не больше.

Сна нет. Включаю телевизор и смотрю теперь уже со стороны, как апельсинный «лендровер» доктора Уитакера, купленный им для охоты, стремительно отъезжает от Ливенуртской тюрьмы.

Господи, спасибо, что ты привел к нам этих людей. Наверное, они спасут нашего Леонарда

Это говорит, встречая нас, директор индейского социально-культурного центра Канзас-Сити. Господи, ведь мы такие же, как они. Это говорит он, обращаясь в пространство. Потом нам протягивают маисовые лепешки — трапезу индейца, находящегося в пути.

— Леонард — хороший художник, — говорят нам.

Пытка

Об издевательствах над Пелтиером, последовавших после нашего визита, мне стало известно только в Москве, спустя время. Леонарда поместили в камеру-одиночку, где постоянно горели яркие лампы, губительные для его зрения. Здесь он провел пятнадцать дней. «Я не могу отделаться от постоянного чувства опасности, угрожающей мне», — передал Леонард на волю. Верховный суд снова отверг апелляцию адвокатов.

Наших лекарств он не получает.

К

огда летом 1986 года я уезжал в Москву, один мой приятель посоветовал: «Постарайся поменьше писать о политике — читателей прежде всего интересует, что значит жить в Советском Союзе».

Конечно же, для корреспондента международного агентства новостей — такого, как Рейтер, — политика составляет значительную часть профессиональных интересов. Однако замечание моего друга свидетельствует о внимании англичан к событиям в СССР, а также об отсутствии информации о повседневной жизни в этой стране. Неужели там все ходят в меховых ушанках? Правда ли, что все граждане России коммунисты? Что они едят? Чем занимаются молодые люди в свободное время?

В одной сатирической телевизионной программе под названием «Зловещий образ» (в этом еженедельном 30-минутном обозрении марионетки изображают ведущих политиков и центральные фигуры нашего мира) все советские люди показываются похожими на покойного президента Брежнева, с огромными, кустистыми бровями, очень часто в меховых шапках.

Такой образ — стереотип, не имеющий ничего общего с реальностью и ничего не прибавляющий к скудным знаниям англичан о Советском Союзе. И хотя советская молодежь гораздо лучше осведомлена об Англии, чем большинство англичан о Советском Союзе, она также не свободна от стереотипов.

Большинство моих друзей в СССР были искренне убеждены, что все англичане — джентльмены. Рискуя разрушить образ, складывавшийся в течение нескольких веков, я все же вынужден был их разочаровать. Представление о том, что англичане чинно вышагивают по Лондону в котелках и с обязательными зонтиками, также далеко от истины, хотя, конечно, некоторые из моих соотечественников действительно такие даже сегодня.

На самом деле, во многом английская и советская молодежь очень похожи.

Отношения между английскими тинэйджерами и их родителями почти не отличаются от аналогичных отношений в Советском Союзе. Короче говоря, «пропасть поколений» существует везде и обуславливает одни и те же проблемы как в Советском Союзе, так и в Великобритании. Однако основное различие заключается в том, что английские подростки гораздо раньше, чем их советские сверстники, освобождаются от родительской опеки и начинают жить самостоятельно. Одна из причин этого «неравенства» связана со сложностью приобретения жилья для молодежи в СССР. В Англии найти подходящую квартиру тоже непросто, однако большинство заинтересованных молодых людей вполне способны

ПРИВЫЧНО, КАК ПРОГНОЗ ПОГОДЫ

Тимоти ХЕРИТИДЖ,
английский журналист —
специально для «Ровесника»

подобрать себе жилье «на паях» с друзьями — через такое коммунальное сообщество проходит большинство студентов, и, более того, оно им нравится. Во время первых трех лет моего обучения в университете Бристоля я с сокурсниками снимал поочередно три квартиры. Так я впервые начал готовить себе еду, самостоятельно делать покупки — впервые я непосредственно столкнулся с проблемой бюджета и научился не выходить за его рамки. Другая причина, по которой английские подростки живут независимо от родителей, объясняется большей разобщенностью поколений в английской семье, что связано, как правило, и с территориальным разделением, тогда как в Советском Союзе нередко три поколения живут в одной и той же квартире.

Весьма схожи и интересы английской и советской молодежи. И тех и других очень привлекает современная музыка, хотя советские рок-музыканты в Англии почти неизвестны. У нас популярные группы и исполнители сменяют друг друга очень быстро — успех часто определяется количеством реализованных пластинок и как следствие — местом в «топ твенти», то есть в еженедельном хит-параде самых покупаемых пластинок. Такие певцы, как Бой Джордж, сделавший себе карьеру на склонности к женским туалетам, и Шейкин Стивенс, «буквальный» последователь Элвиса Пресли, по несколько лет лидировали в хит-парадах. Пол Маккартни, Стиви Уандер и певица Кейт Буш приобрели целый сонм подражателей, а это гарантирует почти стопроцентное попадание любой песни «асов» в хит-парад. Но существует и целый ряд менее известных групп, каждая из которых ежегодно становится недолговечной сенсацией. Среди популярных групп этого года, ставших «калифами на час», «Любопытство погубило кошку» и «Ливинг ин э бокс»: обе приобрели известность своей танцевальной музыкой с явным налетом коммерческого подхода к творчеству.

Одним из наиболее важных свойств английского музыкального рынка является его разнообразие: удовлетворяются все вкусы, а бесчисленное множество ночных клубов, дискотек и магазинов пластинок, специализирующихся на конкретных музыкальных стилях — рэггей, соул, дис-

ко, хэви метал, «черная» американская музыка, джаз, — сводят на нет проблему вкусовой ориентации молодежи.

Когда мне было десять лет, я до умопомрачения слушал музыку группы «Ти Рекс», выворачивая на полную мощность громкость старенького проигрывателя. К тринадцати годам я переключился на «тяжелые группы», и дом моих родителей сотрясался от «Лед зеппелин» и «Тин Лиззи», позже меня стали привлекать более мелодичные, но не менее шумные «Спешиалз» и «Джем». Взрослея, все мы проходим через стадии любви к самым разным группам — мы покупаем их пластинки, ходим на их концерты, даже одеваемся как наши кумиры, и это немаловажная часть жизни английских тинэйджеров. А гневный окрик «Сейчас же выключи эту музыку! Сколько раз я должен(а) повторять!» и по сей день можно услышать практически в каждом английском доме.

Звездный час панк-рока уже давно прошел. Но некоторые молодые люди все еще продолжают сооружать на голове «петушиные» гребни, закалывают носы и уши декоративными булавками. И тем не менее панки стали таким заурядным явлением, что их попытки выделиться и шокировать уже никто не замечает. Как же давно были все эти «Секс пистолз» и «Клэш»! Когда-то их интервьюировали на британском телевидении, и они запрограммированно ругались, глядя в камеру, — в глазах обывателей эти группы стали чуть ли не бунтарями из низов, а что говорить о подростках! Те просто боготворили новых кумиров.

Взросление и поиски своего «я» неизбежно связаны с выбором «своей» музыки, что, в свою очередь, может определить выбор повседневной одежды и даже круга друзей. Если вы панк, то униформой становятся рваные джинсы, спортивные майки и кожаные куртки, ареалом обитания — пабы и клубы, где обычно собираются панки. Если вы любитель рок-н-ролла, то, пожалуй, надо выглядеть стильно — для этого вполне подходят ботинки (желательно замшевые) на толстой подошве, приталенный блейзер и прическа а-ля Элвис Пресли.

Концерты, на которые ходят английские подростки — а для них это своего рода ритуал, — весьма отличаются от концертов, которые посещают московские ребята: наша молодежь ведет себя на шоу очень непосредственно, шумно выражает свои эмоции, самые непоседливые бегут к сцене, чтобы хоть на несколько шагов сократить дистанцию, отделяющую от любимых музыкантов. Если счастливчик в награду становится обладателем медиатора или барабанной палочки, сверстники приветствуют его как римского императора!

Среди других общих интересов английской и советской молодежи большое место занимают спорт (у мальчиков) и одежда (у девочек). Наиболее популярен футбол, хотя летом в Англии не меньшим успехом пользуются крикет и теннис. Много раз я пытался убедить русских, что крикет — тоже спорт, но большинство моих оппонентов в СССР относятся к такому утверждению с насмешкой — удивительно, но

американцы придерживаются аналогичной точки зрения.

Девочки проводят много времени перед зеркалом, выбирая одежду и прихорашиваясь. Английская продукция выглядит более привлекательной, чем советская одежда, особенно одежда для подростков. Имея невероятно широкий выбор одежды в Великобритании, особенно в Лондоне, где целые улицы заняты магазинами одежды, девушка может потратить весь выходной день на поиск вещи, не только нужной, но и приемлемой по цене: вариантов хватит как раз на целый день. Английские мужчины, так же как и представители сильного пола в СССР, традиционно ненавидят походы по магазинам и в то время, как их жены или подруги предаются любимому занятию, отправляются на футбольный матч. Излюбленное место встречи вечером выходного дня — паб, и женщины посещают эти заведения не реже мужчин. Английский паб — это прежде всего место социальных контактов: здесь люди беседуют, встречаются со знакомыми. Пабы хороши еще и тем, что сюда приходят люди из самых разных слоев общества и самого разного возраста, а в деревнях паб просто единственное место, где можно встретиться с друзьями, и атмосфера в таком пабе самая что ни на есть семейная. Именно здесь молодые люди получают возможность близкого общения с представителями поколения своих дедов.

В пабах встречаются юноши и девушки, но алкоголь могут заказывать только совершеннолетние, то есть достигшие восемнадцатилетия. В паб приходят компанией, однако чаще всего — парами; пары предпочитают небольшие столики, тогда как всегда лениво болтают у стойки. В пабах нет официантов, и посетители по очереди заказывают напитки для своих столиков у бармена.

Другие популярные места встреч — дискотеки, или ночные клубы, или же молодежные клубы. Очень часто местом первого свидания юноши и девушки становится кино, но потом они могут перенести свои встречи в паб.

Некоторые сверстники общаются в школе, хотя очень много школ с разделением обучением, и это затрудняет встречи мальчиков и девочек. Я, например, учился в школе в пригороде Лондона, и с одиннадцати лет, когда в Англии было введено всеобщее среднее образование, посещал школу исключительно для мальчиков. Визиты девушек в нашей школе были разрешены только с шестнадцати лет, поэтому, еще не достигнув заветного возраста, я встречался со своими сверстницами лишь периодически, обычно на специально устраиваемых вечеринках. Кроме того, наша школа, одна из немногих в графстве, проводила занятия и по субботам, а это означало, что фактически я лишался шансов на «серьезный роман».

Как бы там ни было, но встречаться

с девушками я начал только после шестнадцати лет, однако уроки этики семейных отношений у нас начинают преподавать еще в младших классах, а к пятнадцати годам школьники уже участвуют в серьезных дискуссиях по проблемам полов, узнают подробности интимных отношений. Должен сказать, что такие уроки помогли мне и моим сверстникам легче войти во взрослую жизнь и, насколько я знаю, английские школьники осведомлены об этой стороне жизни гораздо лучше своих советских сверстников.

Времена «свободной любви» у нас уже отгремели. Отчасти это можно объяснить нашествием СПИДа, но в целом концепция конца 60-х годов, сводившаяся к беспорядочным половым связям, попросту отжила свой век.

Беспокойство по поводу СПИДа еще больше усилилось в течение того года, когда я был в Москве. Однако, вернувшись ненадолго в Англию в марте прошлого года, я был поражен обилием статей об этом заболевании, множеством интервью с его жертвами, улицы пестрели объявлениями, которые советовали, куда обращаться в случае подозрения на заболевание — эта проблема была одной из центральных во всех телевизионных передачах. Мои друзья восприняли ситуацию очень серьезно, и большинство из них с ужасом отвергали любую, даже самую эфемерную попытку связи с незнакомой женщиной, а самой модной темой стали презервативы, потеснив на второй план традиционные рассуждения о погоде. Ученые опасаются, что практически все следующее поколение американцев в той или иной степени может стать носителем СПИДа, и хотя в Англии, где заболевание не столь распространено, прогнозы несколько утешительнее, люди в корне изменили свои взгляды на взаимоотношения с противоположным полом.

Как оказалось, молодые люди в Советском Союзе женятся гораздо в более юном возрасте, чем англичане. Мне, например, 26 лет, и мысль о женитьбе меня пока еще не посещала, так же, как и большинство моих друзей-ровесников, которые не помышляют о браке в течение еще как минимум двух лет. Многие мои советские знакомые удивляются, когда я им об этом говорю, однако мой подход к этому вопросу в Англии считается очень естественным. Одна из причин заключается в том, что брак связан с серьезными финансовыми проблемами, а явных выгод от такого шага весьма немного.

Судя по всему, возвращение в Лондон после года, прожитого в Москве, будет трудным. На первый взгляд явных различий вроде бы нет, однако постепенно ты их обнаруживаешь и вскоре настолько к ним привыкаешь, что начинаешь чувствовать себя коренным москвичом. Здесь, в Москве, я уже научился соизмерять свои желания сделать покупки с перерывами магазинов на обед: приходится совершать усилие над собой, загоняя в мозг чуждую

ему информацию о причудливом расписании этих обедов. Большинство лондонских магазинов не закрываются на перерыв и работают до шести часов вечера. Очень непривычно для англичанина и правостороннее движение, а очередь на оплату «чека» вызывает недоумение: как же так, я еще ничего не приобрел, но деньги у меня уже забрали?!

Есть еще несколько традиций, о которых я должен рассказать. В Великобритании мужчина и женщина садятся за столик в ресторане напротив друг друга. Здесь мужчины располагаются рядом со своей партнершей. У нас принято, чтобы на улице мужчина шел ближе к тротуару — по отношению к женщине, — поскольку в противном случае предметы, которые иногда имеют склонность выпадать из окон, могут нанести травму спутнице.

По-видимому, я сейчас самый удаленный от Англии корреспондент, рассказывающий о жизни в Советском Союзе. Я замечаю, что часть стереотипов начинает исчезать, и прежде всего это связано с увеличением числа телевизионных программ в духе гласности и перестройки. Эти слова уже настолько примелькались у нас в Англии, что не требуют перевода, и понимают их даже самые тупые члены общества. Такая политика СССР, несомненно, стимулировала интерес англичан к вашей стране, хотя несколько лет назад наша молодежь считала Советский Союз чем-то невероятно скучным и непонятным. Сейчас в СССР происходят большие перемены, и страна протягивает свою руку Западу, признавая некоторые ошибки прошлого и — что самое главное — исправляя эти ошибки.

Новый образ Советского Союза тесно связан с фигурой его лидера, Михаила Горбачева. Впервые на памяти западных тинэйджеров во главе СССР появился руководитель, искренне желающий разговаривать с Западом, и не только говорить, но и слушать. Большинство верит Горбачеву и уважает его попытки улучшить отношения с западными странами. Очень многие надеются, что это увеличит контакты между Великобританией и Советским Союзом и благоприятно скажется на взаимоотношениях советских и английских подростков: по крайней мере они, наконец, смогут встречаться и узнавать о жизни друг друга. Возможно, наступит такой день, когда англичане перестанут задавать нелепые вопросы о том, как живут обыкновенные русские, возможно, тогда же и советские люди лучше станут понимать нас, англичан. Может быть, однажды все, что я здесь написал о моих впечатлениях по поводу жизни в Советском Союзе и о жизни английских подростков, станет самой обычной и привычной информацией, как прогноз погоды на текущий день, услышанный вечером этого же дня.

Перевел с английского
В. ЛИПАТОВ

Мы ужинаем на кухне, я подаю на стол, но по твоему застывшему взгляду, по безразличию, с которым ты поглощаешь свой ужин, и рассеянным ответам на мои расспросы понимаю, что мыслями ты уже далеко. Строчки вертятся у тебя в голове. И в самом деле, в середине ужина ты встаешь, спешишь к письменному столу. Мне остается только убрать посуду, есть ты уже не будешь. Я завариваю крепчайший чай, молча ставлю рядом с тобой чашку. Лист на столе уже исписан твоим мелким и аккуратным почерком. Я закрываю дверь.

Часами ты сидишь, глядя в белую стену. Ты не выносишь никаких рисунков, никаких картин, никакой тени на стене перед собой. Во всех квартирах, где мы жили, стол отодвигался от окна в угол, еще лучше, если отгораживался маленький закуток за шкафом или этажеркой. И всякий раз ровная, пустая и белая стена перед глазами.

Из двадцати четырех часов, которые вмещаются в слишком короткие для тебя сутки, в среднем три-четыре часа ты проводишь за письменным столом. Как правило, ночью. Когда у нас была только одна комната, я засыпала, сидя рядом с тобой на кровати. Позже, в нашей большой квартире, я ждала, пробуя уснуть, на диване в твоём кабинете, когда ты прочтешь мне, что ты написал. Эти особенные минуты, когда в ночной тишине ты осторожно гладишь, чтобы разбудить, меня по лицу и потом с покрасневшими глазами, севшим от того, что ты много курил, голосом читаешь мне свое новое стихотворение — одни из самых ярких в нашей жизни. Это каждый раз трепетное глубокое единение — ты даришь самое дорогое, что у тебя есть, свой талант. Когда я спрашиваю у тебя, как это получается и откуда приходит, что вызывает в тебе властную потребность положить на бумагу именно эти слова и именно в этом строгом порядке часто без малейших поправок, ты не знаешь, что ответить, играешь лицом, делаешь неопределенный жест, пожимаешь плечами — ты и сам не знаешь: «Приходит — и все» и добавляешь: «Иногда это трудно, ты знаешь».

Часами напролет ты куришь, раздраженно швыряешь скомканные листы в корзину, выпиваешь литры обжигающего чая, третишь струны, ищешь новые созвучия, вновь замираешь у стола, будто замороженный белым кругом настольной лампы, и вдруг раздражаешься худшей из брани и смехом, есть ты нашел, иногда всего одну строчку, но с нее все начнется, все встанет на свои места, и рано утром, когда в комнате только-только начинает светлеть, и я просыпаюсь и ежусь после короткого сна, ты победно читаешь свои ночные стихи. Иной раз мелодия рождает слово. Тогда мы не спим, ты без конца проигрываешь один и тот же мотив, яростно чеканишь слова до тех пор, пока они не переплетутся, не притрутся друг к другу и не станут песней. Все, что случается с тобой, — это повод проявить свою творческую энергию, ты как светочувствительная пластина

Продолжение. Начало см. в № 8 и 9 за 1988 год.

Марина ВЛАДИ

ВЛАДИМИР, или ПРЕРВАННЫЙ ПОЛЕТ

фиксируешь ощущения, запоминаешь виденное и слышанное, всем этим ты питаешь свой внутренний огонь. Любая тема рано или поздно вырастает в стихотворение: война, спорт, лагеря, болезнь, любовь, смерть, ничто не оставляет тебя безучастным, и, если прочесть все, что ты написал, хочется думать, что ты прожил сотню жизней. Ты мастерски пародируешь песни уголовников, и все эти люди уверены, что ты не раз отбывал срок; некоторые из твоих песен, написанных в 50—60-е годы, стали лагерным фольклором, старики утверждают, что помнят эти песни с давних времен, что они написаны еще до революции. Тебе смешно, и в то же время ты горд. Нет ни одного моряка, ни одного летчика, который бы не знал наизусть твои песни о море, страшную «Спасите наши души» или ошеломляющий диалог двух истребителей в небе.

Из тысяч писем, что приходят тебе, ты ревностно сберегаешь свидетельства людей, которым твои песни помогли в трудную минуту. Я их читала. Письмо подводников, умиравших на дне в своем стальном гробу; альпинистов, попавших в бурю; шоферов, потерявших дорогу в степи; космонавтов, которых веселили в космосе твои юмористические песни; молодых правонарушителей, почувствовавших вкус к жизни после долгого заключения; заданных заботами женщин, сумевших все же улыбнуться; стариков, благодаривших тебя за то, что ты так хорошо помянул их друзей, погибших за Родину; начинающих артистов, которые называли тебя своим идеалом и клялись работать изо всех сил, чтобы сравняться, а может быть, и

превзойти тебя. И еще письма солдат — с китайской границы и вернувшихся после «нормализации» положения в Чехословакии и тех, кто просто отслужил свои три года — их искренность и смятение заставляли меня плакать. Эти письма, задним числом подтверждавшие правдивость того, о чем ты пел, про которые ты говорил, что они были бы лучшими защитниками против обвинений, выдвигаемых твоими хулителями, исчезли. Их украли. Кто-то, кто хотел уничтожить эти слишком «скандальные» свидетельства...

Пропали и почти полторы тысячи моих писем, повинных наверняка в слишком откровенной любви, и сотни телеграмм, голубых бабочек нашей жизни, слетавшихся к тебе со всех концов света, чтобы поддержать тебя, уговорить, успокоить, сказать о том, как я тебя люблю. К счастью, остались твои песни. Они — хранители этих сокровищ.

Иногда ты просыпаешься, бормоча бессвязные слова, встаешь, и я вижу, как ты, раздетый, переминаясь на холодном полу, стоишь на фоне бледного окна — цапля на одной ноге. Стоя, ты долго пишешь на всем, что попадется под руку, потом, замерзший, ложишься, и утром мы вместе расшифровываем пляшущие и неразборчивые строчки. Иногда, когда ты засыпаешь, я по судорожным движениям твоим чувствую — сейчас ты заговоришь, и это будет мерный, как молитва, монолог, который мы называем фильм-сон. Ты описываешь, невозможно торопясь, сменяющиеся картины, всегда цветные, в которых часто есть и звуки, и запахи, описываешь людей, чей характер и судьбу ты обозна-

чаешь несколькими быстрыми словами. Как правило, потом из такого сна рождается большое трагическое стихотворение. И почти всегда оно — о России. «Кони привередливые», «Купола», «Старый дом», «Волга-матушка» были написаны после таких ночей.

Поэты, жившие раньше тебя, не успели воспользоваться магнитофоном (и наверняка при Сталине тебя бы просто уничтожили). Родившись в тридцать восьмом, кроме жизни, ты получил нежданно в награду и эту технику, воспроизводящую звук. В каждом доме в СССР были или бывали записи твоих песен. Не будь магнитофона, этого чуда техники, твоя поэзия осталась бы неизвестной для широкой публики. Ни радио, ни телевидение твоих песен не передавали. Ни одна твоя строчка не была опубликована ни в журналах, ни в газетах. Благодаря магнитофону песня, написанная ранним утром, спетая вечером в театре, потом у друзей, через неделю уже была известна в Сибири, на кораблях, пересекающих экватор, во всех уголках Земли, где только есть русские любой из трех эмиграций. С одинаковым жаром старики, молодежь, чуть позже студенты, изучающие русский, слушали тебя, проникаясь и живя твоими песнями. На своих концертах и дома, и за границей ты с восторгом обнаруживал, что стихи, которые, ты считал, слышали лишь близкие друзья, всем известны, и их просят исполнить на «бис». Если ты, случалось, их не помнил, зал подсказывал тебе слова — и в Париже в «Элизе-Монмартр», и на поэтическом вечере в Сен-Дени, в Риме, в Нью-Йорке, в Лос-Анджелесе, во многих американских университетах, в Венгрии, Польше, Болгарии и в СССР, — все большая аудитория убеждала тебя в необходимости твоей поэзии. Как-то мы подсчитали, что в те годы тебя услышали на концертах около пяти сот тысяч человек. Зная, что каждый раз это была целая эпопея — добиться разрешения выступить с концертом, и что, как правило, ты пел с одним слабым микрофоном, эта цифра невероятная, огромная. Тех же, кто слышал твои записи, — и не сосчитать...

В последние годы ты задумываешь писать прозу. Попробуешь себя в рассказах, сценариях, решишь писать о том, что тебе дорого. Наверное, ты чувствовал, что поэзия в той форме, которую ты ей придал, тебе уже тесна. Появится желание жить в новом ритме, расширить себе границы.

Все чаще будут возникать и терзать тебя вопросы о вечных истинах. В наших разговорах без конца будет появляться слово смерть. Много близких друзей умерли.

Ты серьезно думаешь провести несколько месяцев у меня, чтобы спокойно писать, ты говоришь, что оставишь театр, его дисциплина все больше сковывает тебя... Ты пишешь, что-то откладываешь на потом, что-то отдаешь перепечатать, исправляешь. Каждый раз я поражаюсь, как бережно ты обращаешься со своими рукописями. В худший из дней, когда все в доме может быть переломано, роздано, перепачкано, изорвано, выкинуто в окно, ни один лист бумаги, даже если на нем всего несколько неразборчивых букв, не сдвинется с того места, где он лежал на твоём столе. Все тщательно разложено по разноцветным картонным папкам. Даже то, что, кажется, валяется просто так, никогда не пропадает. Ты, щедро раздаривавший все — и свои силы, и свою жизнь, — берег каждую свою строку.

Перевел с французского С. КОЗИЦКИЙ
(Продолжение следует)

Фото В. ПЕТЕРБУРЖСКОГО

Фантастический рассказ

Джон БРИЗЗОЛАРА,
американский писатель

— Я говорю о сроках, вот о чем я говорю! У меня на складе лежат 600 тысяч маек с надписью «Памяти Джереми Стоуна», а ты хочешь, чтобы я подождал? — Эдди Дюваль откупорил пузырек с таблетками и вытряс на ладонь две штуки. Запил их холодным кофе и жестом приказал девушке из отдела художественного оформления раскладывать на столе новые обложки.

— Ну найди где-нибудь место, убери почту... Да, правильно, сбрось на пол. Мне уже осточертели соболезнования и слезные телеграммы... Извини, Фрэнки, я прослушал... Впрочем, это неважно. Я знаю, о чем ты думаешь. Джереми умер только две недели назад, и ты считаешь, что нужно для приличия выждать какое-то время — и все такое... Что тебе на это сказать? Я почти разорен. Парень был для меня как сын родной. Это я сделал его звездой! Но жизнь продолжается. И мне надо платить по счетам.

На одном из видеофонов замигал сигнал «срочно». Эдди узнал в пульсирующем изображении свою бывшую жену.

— Короче, давай связывайся с торговыми организациями, Фрэнки. Чтобы все крутилось! — Он выключил экран с Фрэнки, потом вдруг схватился за живот

и, бросив сердитый взгляд на бывшую жену, занялся макетами оформления альбомов.

— Что это такое? Я же сказал: вокруг фото должна быть черная рамка! Где рамка? И почему он тут улыбается? Черт, мне нужно строгое фото! Возьмите одно из тех, что мы продаем в голографических кубиках. Выберите, где он задумчивый или накачавшийся наркотиков или что-нибудь в таком же духе!

Он отпихнул от себя макеты, жестом выпроваживая напуганную девицу из отдела оформления, потом ткнул пальцем в кнопку мигающего экрана.

— Послушай, Карла, мне сейчас некогда. Чек на алименты я уже отправил.

Эдди выключил экран и взял со стола счет на 25 тысяч долларов от компании, сдающей внаем экспериментальное студийное оборудование. Счет ему не нравился.

— Да, — произнес он наконец рассеянно и, не глядя на экран, ткнул кнопку. — Что еще?

— Это Билл Адлер из «Звукозаписи», Эдди. Мы тут выбрали людей для доработки альбома Стоуна. Когда, ты считаешь, нам начинать?

— Прямо сейчас. Хотя нужно было

еще вчера. — Эдди продолжал разглядывать счет, на котором перед суммой значилось: «Прокат на 21 день и установка ЭЭЗУ». — Билл, что такое ЭЭЗУ?

— Ну ты спросил, Эдди! Это какая-то записывающая аппаратура, Ларри знает.

— Ладно. — Он выключил экран. — Эдна, соедини меня с Ларри Уолшем из «Звукозаписи». И принеси стакан молока, хорошо?

Он принял сигнал вызова еще с одного экрана и, увидев лицо звонившего, попытался изобразить улыбку.

— О, Морт! Очень рад тебя слышать...

— Эдди, я прикрываю тебя перед банком уже полгода, но...

— Морт, послушай, Морт. Дай мне десять дней. Я тебе обещаю, все будет в порядке. Я понес тяжелые потери. Мой «номер один» только что погиб в жуткой автомобильной катастрофе в Вегасе. Ты, должно быть, об этом слышал. Джереми Стоун. Все расстроены, неразбериха... Десять дней, Морт. Я тебя умоляю.

— Хорошо. Я посмотрю, что можно сделать.

Разговор закончился.

— Вот ваше молоко, мистер Дюваль. Мистер Уолш ждет на третьем канале.

Эдди повернулся в крутящемся кресле и тут же поперхнулся молоком. Выплеснув молоко в переполненную корзину для бумаг, он набрал на панели настенного бара комбинацию для водки со льдом и пробормотал: «К черту язву. Вот это мне поможет».

— Ларри, объясни-ка, что это за чертовщина такая — ЭЗЗУ и на кой дьявол она нам нужна?

— О, это... Это золотая жила для всех нас, Эдди. Эта штука называется «Эмоциональное Энграммное Записывающее Устройство». Совершенно новый прибор. Все пока только экспериментируют, но я знаю, что Ар-Си-Эй и «Уорнерс/Электра», а может быть, и «Юнайтед Артистс», через шесть месяцев собираются начать рекламную кампанию одновременно с выпуском дисков, записанных на этой штуке. А «Сони» и «Панасоник» планируют выкинуть на рынок специальные проигрывающие устройства! Эта штука записывает эмоциональное состояние певца, каждый нюанс его ощущений во время выступления. Тот, у кого есть такой диск и проигрывающее устройство, сможет ощутить музыку несравненно полнее, чем даже на самом динамичном «живом» концерте. Джереми сам предложил эту аппаратуру для записи нового альбома. И я... э-э-э... дал добро. Эдди, за такими записями огромное будущее! Это совершенно новое дело.

— Ты что, читаешь мне из рекламной брошюры? Верни эту чертовщину назад. У меня тут лежит счет на двадцать пять тысяч! — Он ткнул бумагой в сторону экрана.

— Это не так просто, Эдди. Джереми записал первую половину альбома на ЭЗЗУ, и нам пришлось искать кого-то на вторую. Кого-то, кто сумел бы «врубиться» и выдать весь набор эмоциональных характеристик Джереми Стоуна. Если мы выйдем на рынок только с половиной альбома, получится чепуха. Любопытная новинка, но не более. У Билла Адлера все это время ушло на поиск людей для дозаписи. Я полагал, что у всякого, кто способен сдублировать музыкальный стиль Джереми Стоуна, есть шанс вписаться и в «дополнительную дорожку», как у нас ее называют. Да только ничего не вышло. Но я нашел парня, который выдает ощущения Джереми почти один к одному.

— Я не знаю... Сколько это нам принесет? — спросил Эдди, раскручивая лед в стакане.

— Если все удастся, диски пойдут по 120 долларов!

— А сколько мы сможем продать?

— Сколько угодно, Эдди! Сколько хочешь!

— Ну... — Эдди выплеснул остатки из стакана и снова поморщился. Однако вскоре под воздействием спиртного черты его лица немного смягчились, и он сказал: — Ну, ладно, чтоб я окочурился!.. Чтoб я... Как там Джереми всегда говорил?

— Чтoб я сдох!.. — просиял с экрана Ларри.

Эдди набрал на панели бара еще одну комбинацию и, когда автомат выдал ему

новый бокал, поднял в сторону большого портрета Джереми Стоуна. Тот улыбался своей знаменитой кривой улыбкой, словно давая согласие на дело. Эдди выпил, потом поставил бокал на бланк счета, отпечатав вокруг графы «Причитающаяся сумма» мокрое кольцо. Затем снова взглянул на портрет.

— От тебя мертвого столько же хлопот, сколько и от живого!

Поль Андервуд подъехал к зданию компании «Молния» сразу после заката. По дороге его прихватил дождь, и теперь с волос и с футляра гитары капала вода. Поль достал из кармана синтетической куртки листок бумаги: студия «С», второй этаж. Там же, где и на прошлой неделе. Он почувствовал вдруг, как сухо стало у него во рту, как холодны ладони.

На прошлой неделе он побывал на одном из самых необычных прослушиваний в жизни, а уж он бывал на всяких. ЭЗЗУ действовало на него, словно мощный, пугающий наркотик. Ларри Уолш сказал, что у некоторых музыкантов аппарат вызывал головокружение и тошноту, другие просто пугались эмоционального накала Джереми Стоуна и отказывались. На Поля же аппарат действовал возбуждающе, он включался, он вдруг становился динамичным, сильным, он осознавал, что значит обладать божьей искрой — по крайней мере, теперь он понимал, какие ощущения это вызывает.

Отличный гитарист, «технар», как он сам себя называл, Поль не сидел без работы, постоянно подыгрывая тем или иным звездам на концертах или в записи. Музыканты вроде него сами никогда не становились известными исполнителями. Он уверял себя, что счастлив, и, в общем-то, был счастлив. Но на прошлой неделе, став на какой-то короткий миг Джереми Стоуном, он вкусил то, о чем тайно мечтал, он почувствовал, каково это — быть величайшей во все времена звездой рок-ролла. И, кроме того, это было чертовски захватывающе: сливаться с чужой душой, играть, отзываться на музыку, импровизировать вместе с человеком, которого похоронили десять дней назад. Он думал о Джереми Стоуне и понимал, что думать о нем как об ушедшем навсегда невозможно.

Поль видел Стоуна пару раз на каких-то гулянках. Стоун казался вполне нормальным, но Поль чувствовал в нем какую-то напряженность. Это было видно по тому, как он сутулился, словно боксер перед атакой, в его раскосых улыбчивых глазах горел вызов. Поль помнил его резкий смех, помнил, как он прикуривал сигареты: одна от другой. А после той первой записи при помощи ЭЗЗУ, когда Поль «включился» в Джереми Стоуна, он почувствовал, что знает Стоуна, наверное, лучше всех (к тому же он, как и Стоун, был левшой).

В огромной студии «С» царил полумрак, светились лишь лампы в аппаратной да батареи цветных огней, установленные под потолком. Силуэты музыкантов и звукооператоров медленно двига-

лись в этом цветном тумане. Поля представили двум музыкантам: саксофонисту Карлу, на темном лице которого блестели лишь глаза и зубы, и бесстрастному синтезаторщику по имени Алекс. Они оба работали с Джереми и чувствовали себя теперь несколько неловко, словно присутствовали на спиритическом сеансе. ЭЗЗУ мягко гудело в углу, время от времени мигая индикаторными огнями.

В динамиках загрохотал голос Ларри Уолша из аппаратной:

— Поль, это мистер Дюваль, наш продюсер и вообще самая большая шишка в «Молнии». — Дюваль, скрытый облаком сигарного дыма, важно кивнул. — Кроме того, мистер Дюваль был персональным менеджером Джереми. Если у тебя есть какие-то вопросы о Джереми или еще что, Карл, Алекс и я сам — мы все трое работали рядом с ним и постараемся помочь тебе. Ситуация у нас такая: мы не укладываемся в бюджет, поэтому придется гнать. Мы бы хотели закончить матрицу завтра или послезавтра, поэтому работать будем сверхурочно, плата двойная, может быть, даже тройная. Справишься?

Не дожидаясь ответа, Ларри продолжал:

— Джереми успел записать примерно половину, и мы должны подогнать новые записи как можно ближе к готовому материалу и к партии, которую Джереми уже записал для ударных и второго вокала. Слушатели не должны заметить замены, а задача усложняется еще и тем, что в отличие от звука, который мы всегда можем смонтировать или дописать, эмоциональную запись нужно делать сразу целиком, ты должен выдавать эмоции Джереми на одном и том же уровне от первой ноты до последней. Понятно? Я знаю, что это трудно, но в записи Джереми есть гипнотический сигнал, который вызовет у тебя состояние легкого транса и усилит эмоциональный отклик на то, что ты играешь. Твое счастье, что ты не такой чокнутый, как Джереми, — тут Ларри хихикнул, — но, откровенно говоря, это добавит нам работы. Если сумеешь, постарайся почувствовать себя маньяком!

Поль сдержанно улыбнулся, взгляд его притягивала подмигивающая, гудящая машина в углу. Почему-то она казалась ему более живой, чем все, кто собрался в студии.

Поль достал из футляра свою старую гитару и подключил ее к усилителю. Потом он расстегнул рубашку, и оператор прилепил клейкой лентой датчики. Они казались неестественно холодными.

— О'кэй. Поехали. Дубль один: «Рандеву».

Музыка звучала все громче, и Поль целиком отдался ее власти. Сопrotивляться было невозможно, он подчинился безудержному водовороту, тот набирал силу и превратился в раскаленный ураган. Та часть личности, что еще оставалась Полем, стала совсем крохотной. Откуда-то издалека, из самого дальнего уголка своего сознания Поль с благоговением наблюдал за этим новым существом, что металось в нем с воем и стоном.

Эдди Дюваль вглядывался в полумрак студии сквозь завесу сигарного дыма. Все шло гораздо лучше, чем он ожидал. Эдди взглянул на часы: работали всего ничего, а уже записали целиком три песни. Джереми на это потребовался бы месяц. Вслушиваясь, Эдди пытался отличить оригинал от дописанной музыки и не мог. Конечно, он не подключен к аппарату (годы уже не те), но интуитивно Эдди чувствовал — а интуиция еще никогда его не подводила, — что они пошли по правильному пути. Поначалу он собирался сляпать на вторую сторону диска кое-что из старых вещей Джереми и выбросить пластинку на рынок, пока фэны все еще не опомнились от горя, но эта затея с ЭЗЗУ должна принести гораздо больше денег.

Ларри объявил в микрофон, что все могут полчаса отдыхать. Он поблагодарил музыкантов за хорошую работу и повернулся к приборной консоли сверить показания счетчиков на мониторе ЭЗЗУ.

— Ты только посмотри на этого парня. — Эдди приподнялся в кресле. — Все равно что снова работать с Джереми. Ты обратил внимание, что он тоже играет, повернувшись ко всем спиной?.. — Его глаза чуть сузились, когда он заметил, что Поль стрельнул сигарету у синтезаторщика. — Ты говорил, что он не курит.

Эдди встал и принялся шагать по аппаратной, потом снял пиджак, расстегнул воротник рубашки. Несмотря на то, что кондиционер гнал в студию прохладный воздух, он вдруг почувствовал, что ему жарко.

Карл сказал Полю, что тот играет лучше, чем записано в оригинале. Поль улыбнулся, и когда оператор снял датчики, Алекс предложил сходить всем вместе через дорогу выпить пива. Они спустились по лестнице, потом бросились сквозь дождь на другую сторону улицы.

В баре Поль купил две пачки сигарет и первый стакан пива махнул почти сразу. Он почувствовал, как уходит действие машины, почувствовал жажду и усталость, которых не замечал раньше, ощутил, как много отбирала у него эта машина. Его даже чуть трясло.

— Ну как? — Карл наклонился над пивом. — На что это похоже?

Поль пожал плечами.

— Не знаю. Но это нелегко.

— Я надеюсь, мы сможем выдать ему то, что он хочет, и смыться отсюда к чертовой матери. — Алекс нахмурился, глядя на зеркальную стену бара. — Мне не нравится на него работать. Противный, скользкий тип. Гиена.

Полю-то, наоборот, хотелось скорее опять взяться за работу, вернуть это пугающее ощущение полета, хотя он и

чувствовал в нем какую-то опасность, отзвуки смерти.

— Что ты имеешь в виду?

— Он имеет в виду, что происходит то же самое, что случилось пять лет назад, когда Мелоди Энн — та цыпочка-певица — перебрала с наркотиками, а Дюваль огреб на этом кучу денег, — пояснил Карл, цинично улыбаясь.

— Я не знал, что она работала на «Молнию», — произнес Поль встревоженно и потер пальцами виски, пытаясь унять головную боль. Ему не терпелось вернуться к машине.

Его словно несло на волне бело-голубой боли. Каждый нерв жгло холодным огнем. Острота ощущений достигла невероятной силы. Собственная грудная клетка казалась Полю глубочайшей пропастью безысходности.

И в то же время его не оставляло какое-то сладостное чувство. Слезы накатывались на глаза и тут же высыхали. Печаль была слишком глубока для слез... Потом песня закончилась.

— О'кэй. Дубль готов. Замечательно, парни. Просто отлично. — Ларри вытер лицо рукой. — О, уже почти три ночи. У нас осталось еще две вещи. Ну как? Хватит на сегодня или продолжим?

— Продолжим! Мы почти уже закончили! — Голос Поля прозвучал слишком пронзительно, с какой-то ноткой отчаянья. Он повернулся к Алексу. — Я в смысле... Мы ведь хотели закончить побыстрее?

Алекс пристально смотрел на гитариста: он не мог понять, что, но что-то его тревожило.

Поль поднес к губам сигарету, уже тридцатую за вечер — и тридцатую за всю его жизнь — поднес жестом, очень необычным, но безошибочно узнанным всеми, кто находился в студии.

— В чем дело? Эй, вы! Призрака увидели? — Поль запрокинул голову и рассмеялся быстрым резким смехом, от которого у остальных похолодела кровь. Смех повис в мертвой тишине зала.

Эдди Дюваль уставился на Поля. Лицо Дюваля стало пепельно-бледным.

— Что?.. Что?.. — Одна щека у него задергалась, и он даже не смог договорить. Ногти впились в ладони, костяшки пальцев побелели.

Ларри ударил рукой по столу.

— Тихо! Успокойтесь все! — Взгляд его пробежал по экрану монитора ЭЗЗУ, и он заговорил убедительным, успокаивающим тоном: — Похоже, произошло некоторое смещение личности... Очевидно, такое возможно. Поль находился под воздействием машины шесть часов подряд. Видимо, это уже предел, так что на сегодня, пожалуй, хватит.

— Нет! — неожиданно выкрикнул

Поль и, задев грифом гитары микрофон, отбросил его в сторону. Аппаратная наполнилась оглушительным визгом. — Нет! Продолжаем работать! Мы должны закончить сегодня!

Поль улыбнулся и почувствовал, как непривычно натянулась кожа у него вокруг глаз и на переносице. Он заметил замешательство на лицах окружающих его людей и подавил еще один смешок.

— Я в порядке, честное слово. Вы разве не видите? Я просто... э-э-э... более полно взаимодействую сейчас с энграммой Джереми. Всего две вещи осталось. — Он почти умолял их. — Эти получатся лучше всего. Я сейчас в самой хорошей форме.

Ларри с сомнением поглядел на Эдди Дюваля. Тот судорожно вздохнул, взял в руки пиджак, сунул в зубы сигару и двинулся к двери из аппаратной.

— Продолжайте, — сказал он негромко, обращаясь к Ларри, и оба они как замороженные поглядели на возродившееся подобие Джереми. — Заканчивайте, и чтобы духу его здесь не было. Я буду у себя наверху. Позвони, когда закончите.

— «Расплата». Дубль один. Поехали!

Угрожающе накатывал неровный ритм ударных. Бас и барабаны ломались сквозь песню, словно слепой неистовый зверь. Поль вырывал из гитары мощные диссонансирующие аккорды, губы его кривились в мучительной гримасе. Зверь мчался по металлическому ландшафту музыки в поисках выхода из песни, за которым он сможет разрушать, разрушать... Чудовищные механизмы сталкивались и взрывались маслянистым дымом и ослепительным светом... Поль чувствовал, как весь он заряжается энергией из неведомой, наполненной ненавистью бездны и сливается со зверем.

Эдди снял рубашку и проглотил еще две пилюли транквилизатора. Стакан в его руке дрожал, и он справился с собой лишь усилием воли, на чем свет стоит ругая Стоуна за то, что тот приволок в студию эту дьявольскую машину. Неестественную, непонятную машину, такую же, как и сам Джереми. Она взвинтила нервы, а Эдди Дюваль очень этого не любил. Теперь он лежал на диване, пытаясь изгнать чудовищное напряжение и проклинал Стоуна на все лады. С самого начала во всем был виноват он. Ничего не пришлось бы делать, если бы Джереми просто продолжал записывать свои альбомы. Если бы он хоть ненадолго оторвался от своих любовных походов и скоростных машин и уделил внимание карьере, которую построил для него Эдди.

Сначала все шло, как в медовый месяц. Джереми тогда еще был голоден: два года он работал до упаду, рождая хиты один за другим, метался по гастролям, не пропустив выступления ни разу. И первые два альбома стали золотыми буквально в считанные дни. Все купались в славе и деньгах. А потом он испортился, так же, как Мелоди Энн. Синдром примадонны, как говорил Эдди. После двух непродуктивных лет (беременность, сценические неудачи и дорогостоящее лечение) она наконец сумела наглотаться пилюль по самые уши и обрела долгожданный покой на дне бассейна. Эдди думал, что погиб: Мелоди Энн была единственной его палочкой-выручалочкой.

Но тут Эдди осенило. Пригодился козырный туз, припрятанный в рукаве — «исключительные права на использование имени». В мгновение ока он развернул мощную рекламную кампанию и превратил Мелоди Энн в рок-мученицу, продавая верным поклонникам реликвии «святой». После этого Эдди купил себе здание, где размещалась его фирма, и теперь спал не на диване в кабинете, а в роскошной квартире.

Потом ему подвернулся Джереми. Он, можно сказать, вырастил его, направляя по нужному пути, и вскоре денег стало столько, сколько ему никогда и не снилось. Однако последовали капиталовложения, и некоторые из них обернулись крупными финансовыми потерями. Эдди затянул пояс потуже, но всерьез это его не беспокоило: ведь он «сидел» на Джереми Стоуне, на одном из величайших исполнителей века. Он, правда, не предполагал, что Джереми способен столь стремительно влезать в долги, но тем не менее выручал его каждый раз и даже согласился на два последних «концептуальных альбома», которые вылетели из хит-парадов, попросту говоря, провалились.

Джереми это, однако, совсем не беспокоило. Он по-прежнему внезапно исчезал и пропадал где-то по нескольку недель, забывал появляться на концертах, устраивал гулянки, когда следовало работать. Деньги уходили, как вода при отливе. Надо было что-то делать. И Эдди вспомнил Мелоди Энн...

Эдди наконец-то расслабился. Скоро все это кончится. Он просто позволил какому-то якобы перевоплотившемуся в Джереми мальчишке разволновать себя, что только доказывало, как много он в последнее время работал и как сильно нуждается в отдыхе. В понедельник пластинка будет оттиражирована, оформлена и отправлена к пятнадцатому числу самое позднее. Все остальные товары, связанные с именем Джереми Стоуна, появятся в торговой сети со дня на день. Недель через шесть он снова окажется наверху. Скоро все это кончится.

...Эдди проснулся от настойчивого жужжания электронного зуммера. Он заморгал и потер глаза, силясь понять, что это такое, потом вскочил с дивана, накинул рубашку и взглянул на часы, показывавшие 7:03. Видеофон для конфиденциальных переговоров мигал в тон зуммеру красным огоньком. В такой час по этому каналу мог звонить только один человек. Эдди справился с паникой и нажал кнопку приема.

— Доброе утро, мистер Дюваль.— В лице человека на экране было что-то змеиное.— Я не разбудил вас?

— Нет-нет,— солгал Эдди, улыбаясь.— Я всю ночь был на записи. Чем могу быть вам полезен, мистер Смит?

Это лицо пугало его. Тяжелые веки, тонкие губы. Хорошая стрижка, маникюр. Полная анонимность. Звонивший производил впечатление человека, который любит свою работу, даже гордится ею.

— Что-нибудь не в порядке? — добавил он.— Деньги должны были прийти в прошлый...

— Здесь все в порядке, мистер Дюваль. Я хотел удостовериться, что и у вас тоже. Я всегда делаю контрольный звонок, чтобы убедиться, что мой клиент доволен работой.— Губы человека чуть дрогнули.

— Да, э-э-э...— Эдди поискал глазами сигареты.— Все в полном порядке, мистер Смит. Э-э-э...

— Очень хорошо.— Лицо говорившего стало совершенно невыразительным.— Надеюсь, в будущем мы еще пригодимся друг другу.

— Конечно. Только...— Эдди оглянулся по сторонам. Получилась неловкая

пауза.— Не могли бы вы мне сказать, как вы... Я имею в виду, как это было для него? Видите ли, мы работали в довольно близком контакте, и я в каком-то смысле не испытываю к нему неприязненных чувств.

— Пожалуйста, не беспокойтесь, мистер Дюваль. Я никогда не обсуждаю деталей.

— Да, конечно. Благодарю вас.

— До свидания, мистер Дюваль.— Экран погас.

Некоторое время Эдди продолжал сидеть за столом. Рубашка прилипла к телу, и ему захотелось принять душ. Интересно, каково это — быть профессиональным убийцей?

Он пошел к ванной, но тут заметил мигающий сигнал на аппарате внутренней связи: кто-то оставил ему записанное сообщение. Эдди нажал кнопку, и на экране появился Ларри Уолш, помятый, уставший, но довольный.

— Не хотелось тебя будить, но все же решил сказать, что к утру мы закончим запись. Получилось блестяще. Первые строки хит-парада! Все прошло очень гладко. Матрица в сейфе, и я уверен, то, что мы сделали, тебе понравится.

Изображение исчезло. Эдди взглянул на время, когда было записано сообщение: звонок поступил в 4:49. Все закончено. По дороге в ванную он даже начал что-то насвистывать.

Спустя полчаса Эдди уже спускался вниз на лифте. Он решил, что позавтракает в ресторанчике за углом: день обещал быть прекрасным.

Он все еще насвистывал, когда лифт остановился на втором этаже и, растоптав окурок на ковре, из полутьмы холла в кабину шагнул человек. В руке он держал футляр для гитары, волосы были всклокочены, на лице играла кривая улыбка. Это лицо когда-то принадлежало Полю Андервуду.

Эдди отшатнулся к задней стенке лифта. Рот у него задергался, сердце забилося в бешеном танце. Он уронил кейс на пол и произнес, двигая побелевшими губами:

— Джереми...

Улыбка гитариста стала еще более жесткой. Джереми протянул руку и нажал на «стоп». Кабина остановилась между этажами.

— Чтоб я сдох! — сказал гитарист и шагнул к нему.

Эдди закричал и уже не мог остановиться.

Перевел с английского
А. КОРЖЕНЕВСКИЙ

Рисунки И. МЕЛЬНИКОВА

Леонид ЗАХАРОВ
Фото автора

ПРОДОЛЖЕНИЕ

Пока Госконцерт энергично работает над тем, как бы осчастливить нас очередным Томасом Андерсом, и при этом жалуется, что нечем платить зарубежным поп-звездам за их выступления в СССР, в Вильнюсе нашлась организация, которая сумела провести целый рок-фестиваль с участием исполнителей из Венгрии, Польши, ФРГ, Финляндии и Великобритании. Фестиваль назывался «Рок-форум», его инициатор — экспериментальное объединение по организации досуга молодежи «Центрас» при Вильнюсском горкоме ЛКСМ Литвы.

Накануне выступления финской группы «Джими Тенор и его шаманы» за кулисами Вильнюсского дворца спорта, где проходил фестиваль, состоялся следующий разговор. Двое молодых людей из оргкомитета говорили какому-то солидному мужчине:

— Для завтрашнего концерта финны просят несколько железных бочек. Как быть?

— Ну что ж, — рассудил мужчина, стараясь не выказать удивления по поводу столь необычной просьбы, — финским товарищам надо пойти навстречу. Только сначала проверьте, нет ли в бочках горючих веществ.

Дело в том, что «Шаманы» исполняют так называемую индустриальную музыку. Что это такое? В исполнении Джими Тенора и его компании — почти обыкновенный панк-рок, но партии ударных играют на барабанах с металлической мембраной и бочках плюс к этому на магнитную ленту записаны еще и электронные ударные.

Для начала группа исполнила композицию, которая не столько эффектно слушалась, сколько смотрелась. На сцене была установлена крестовина, каждый конец которой заканчивался деревянным молотом. Системой велосипедных цепей крестовина соединена с осью, приводимой в движение электромотором. Вращаясь, молотки задевают за металлические скобы, они, в свою очередь, отбивают ритм, вернее — один из ритмов, которые затем складываются воедино. В качестве специальных звуковых эффектов были использованы подручные средства. Например, электродрель, с помощью которой один из музыкантов пару минут корежил поверхность бочки. К тому же на сцене стояло еще одно весьма слож-

ное устройство: над магнитофонной декой было укреплено небольшое колесо, которое, вращаясь, издавало довольно противные звуки. Но принцип его действия, честно говоря, так и остался для меня загадкой.

«Шаманы» — не первооткрыватели индустриальной музыки (итальянские футуристы еще в 1918 году экспериментировали с авиационными двигателями) и далеко не самые известные исполнители этого жанра. Стилистически они чище, чем, скажем, группа «Депеш мод», имитирующая звуки наковальни с помощью синтезаторов, но зато менее радикальны, чем западно-берлинский коллектив «Айнштурценде нойебаутен», который на концертах играет в основном на отбойных молотках, мотопилах и бетономешалках небольшой мощности. «Шаманы» вполне справляются и с обычными для рок-музыки инструментами, а сам Джими Тенор (он же Ласси Лехто) хорошо поет и играет на саксофоне.

После концерта я спросил его, как он оценивает качество советских бочек.

— Это были хорошие бочки, — на полном серьезе отвечал Тенор, — нужного объема и подходящего качества. Поэтому звучали они хорошо. Единственный минус — из них не очень приятно пахло, но это не испортило концерта.

Выступление и впрямь удалось на славу, хотя для нашей публики это была, наверное, первая встреча с такой музыкой. А вот Билли Брэгга скоро можно будет называть ветераном советской сцены — это его третий визит в нашу страну. Я очень люблю этого британского барда, и, честно говоря, мне досадно, что на популярность в СССР ему пока не очень везло. Поз-

тому я слегка волновался за Билли, и напрасно: выступление Брэгга было встречено с большим энтузиазмом, настроение публики (как это обычно и бывает во время рок-концертов) передавалось исполнителю, и Билли был в ударе. Впрочем, не последнюю роль, думаю, сыграло и то, что как раз во время его пребывания в Вильнюсе песня «Битлз» «Она покидает дом» в исполнении Билли Брэгга занимала первое место в списке популярнейших сорокапяток в Великобритании. На вопрос о том, как чувствует себя человек, возглавляющий хит-парады, он вразумительного ответа не дал, лишь высказался в том смысле, что главная заслуга не его, а «Битлз». Зато охотно пояснил, что дают ему как музыканту концерты в Советском Союзе.

— Кажется, я начинаю привыкать к выступлениям в больших залах, — сказал Билли.

Та же история с английской группой «Поп уилл ит итселф» («Поп-музыка себя съест»). До этого дома и на гастролях они выступали в маленьких клубах, а тут — зал на пять тысяч человек. Но на этом сходство с Билли Брэггом кончается. У него — пара гитар да переносной усилитель, у них — гора колонок и бездна звуковых эффектов. Билли сдержан, скромн, неброской наружности. У ребят из «Поп уилл ит итселф» все задумано так, чтобы сразу было ясно: поберегись, идет рок-команда! Много смеха (в основном очень громкого), много грубых шуток (если кто английский понимает), длинные волосы (в том числе и ярко-сиреневые), драные джинсы, кожаные куртки, бесконечные перемещения по сцене. В сумме все это и дает стиль «грибо», которого «Поп уилл ит итселф» явля-

ются сегодня едва ли не ярчайшими представителями. У нас пока этот стиль не очень известен, но в Великобритании считается весьма перспективным, и выступление группы на «Рок-форуме» это подтвердило. Зал, что называется, завелся с первых аккордов.

Впрочем, я понимаю, что этот критерий — реакция публики — нельзя считать объективным. Народ «балдел» и от выступления западногерманской группы «ЮЛО», которая исполняла сплошь чужие вещи. Исполняла, правда, профессионально. Но мне лично было интереснее слушать не подражание Дженис Джоплин, а собственные композиции польской группы «Ву ву» и венгерской «Кампец долорес».

Неизбежен вопрос: а как смотрелись на этом фоне советские ансамбли? Если учесть, что и сам фон был неровным, то наши коллективы были ему под стать. Успех «Алисы» был предсказуем. Несколько сюрпризов преподнесли «темные лошади», ансамбли, о которых дотоле было мало что известно. Среди них — «Группа продленного дня» из Харькова и замечательная киевская команда «Вопли Видоплясова». Я не успел узнать, кто такой Видоплясов, но ребята, объединенные в ансамбле, носящем его имя, — большие мастера сценического балагана с очень едкими шуточками.

И все же по части театральных эффектов не было равных любимцам литовской молодежи — вильнюсской группе «Антис». Тут и мощная духовая секция в белых костюмах, и блестящая пантомима, и настоящий мотоцикл на сцене. За выступлением «Антис» с большим интересом наблюдал менеджер Билли Брэгга Питер Дженнер и остался очень доволен. А удостоиться похвалы из уст человека, который в разные годы работал с «Пинк Флойд», «Ти Рекс», «Клэш» — это, по-моему, кое-что значит.

Подбором советских исполнителей для «Рок-форума» занимался Давид Блувштейн. Ребята из оргкомитета рассказывали, что ему было предоставлено почти монопольное право.

— Это, конечно, преувеличение, — говорит Давид. — Скажем так: я предлагал кандидатуры, но решения принимали вместе.

— Ты доволен выступлениями?

— Не совсем, — честно признался Давид. — Группа из Минска «Зартипо» — это, конечно, полный провал. Не оправдал ожиданий московский «Ва-банк». Остальные, по-моему, выступили прилично.

Тем не менее на некоторых выступлениях зал, где проходил «Рок-форум», был далеко не полон.

— Публика стала разборчивее, чем два-три года назад, тогда были готовы идти на что угодно, — говорит Гинтаутас Бабравичюс, заместитель председателя оргкомитета, директор объединения «Центрас». — Сейчас, чтобы привлечь людей, нужны имена. К тому же билеты стоили довольно дорого — 4 рубля 50 копеек, это не всем по кар-

ману. Почему так дорого? Мы составили смету фестиваля, получилось 120 тысяч рублей. Поэтому, чтобы оправдать расходы, билеты должны были стоить дорого. Но цены мы устанавливали не сами, а вместе с республиканской филармонией (она реализовала билеты и получила 10 процентов вырученных денег).

И еще один момент: зал мог казаться более «пустым» из-за того, что народ очень плотно собирался у сцены. Кто хотел слушать музыку — сидел на трибунах, а кресла из партера мы убрали: надо же было оставить место для тех, кто хочет потанцевать!

— Трудно было договориться об этом с администрацией Дворца спорта?

— Никаких проблем. Мы ведь и раньше проводили здесь рок-концерты и фестивали. И нам удалось доказать, что чем больше пространства для публики, тем быстрее выходит ее энергия — значит меньше вероятность конфликта. Рок-музыка ведь вообще рассчитана на ответную реакцию, под некоторые группы просто невозможно усидеть на месте. Люди хотят танцевать, а их не пускают, зачастую в грубой форме. А что это может вызвать, кроме ответной грубости?

Не представляю, сколько нужно сил, чтобы силой обеспечивать порядок, — говорит Гинтаутас. — У нас с этой задачей справились пятнадцать человек.

До того, как стать директором «Центраса», Гинтаутас работал заместителем директора одного из заводов. Не трудно ли было расставаться с такой должностью?

— Так я ведь, можно сказать, ушел на повышение, — смеется Гинтаутас, — был замдиректора, стал директором!

Объединение «Центрас» при Вильнюсском горкоме комсомола с самого дня своего рождения в феврале нынешнего года оказалось на хозрасчете. А три месяца спустя «Центрас» уже провел фестиваль, на который даже приехали исполнители из-за рубежа. Как удалось это осуществить?

— Сложнее всего было с музыкантами из Великобритании, — говорит Бабравичюс. — Сначала получили от них телекс: согласны приехать в Вильнюс. Условия: мы должны оплатить дорогу, гостиницу и суточные. То есть все то же, что и для советских исполнителей. Но с нашими проще: оплатили им билеты в рублях — и порядок. А как быть с рейсом из Лондона? Где взять валюту? Обратились в Министерство финансов СССР. Там подсчитали, во сколько это обойдется. Сказали, что потребуются письмо из ЦК комсомола Литвы с визой отдела культуры ЦК Компартии республики. Сделали такое письмо, после чего минфин разрешил через Внешэкономбанк оплатить Аэрофлоту стоимость рейсов из Лондона и обратно не в инвалютных рублях, а в обычных. Это стоило двадцать тысяч.

Итак, на первый раз все удалось. А дальше? Во-первых, Аэрофлоту такие обмены валюты на рубли невыгод-

ны. Во-вторых, где гарантия, что минфин каждый раз будет идти навстречу?

— Поэтому хорошо было бы, конечно, обзавестись собственным валютным фондом, — мечтательно произносит Гинтаутас. — Это, кстати, не так уж нереально. Допустим, приезжает киногруппа из-за рубежа снимать наш фестиваль — будем брать валюту за право на съемку!

— И куда ее потом будете девать? Ведь так со временем можно кого угодно на «Рок-форум» выписать, хоть Майкла Джексона!

— Можно, но лучше купить на те же деньги за рубежом отличную аппаратуру и организовать свою студию звукозаписи. Для нас это сейчас важнее.

Впрочем, до звезд уровня Майкла Джексона дело и так не дойдет. Во-первых, это стоит действительно огромных денег. Во-вторых, главная цель «Рок-форума» — представлять советской публике новые имена, новые музыкальные направления. Возможности тут достаточно широкие: по словам того же Питера Дженнера, «на Западе очень много чрезвычайно интересных исполнителей, которые готовы приехать к вам в страну бесплатно» (имеется в виду — без гонораров за выступления, но с оплатой гостиницы, дороги и питания). Так не лучше ли и в самом деле пригласить десяток молодых, перспективных групп, чем одного Томаса Андерса, эффектно работающего мышцами рта под фонограмму?

В позапрошлом году я был в Киеве на международном молодежном фестивале «Песня в борьбе за мир» (там, кстати, впервые встретился с Билли Брэггом). Написал статью, она была опубликована в «Ровеснике» и называлась «Начало». Два года спустя стало ясно: продолжать такое «начало», по всей видимости, смысла нет. «Песня в борьбе за мир» — дело нужное и важное, но проблема в самой организации таких фестивалей — ведь плохая организация может дискредитировать, как мы хорошо знаем, самые нужные дела. Проблема в том, что оргкомитет того киевского фестиваля по сути оргкомитетом не являлся, он лишь выполнял спускаемые сверху решения. И естественно поэтому, что все мероприятие (именно это словечко к нему наиболее подходит) доставило оргкомитету одни лишь хлопоты, избежать которых очень просто — в дальнейшем ничего подобного не проводить. Это выглядит полным контрастом с Вильнюсом, где за дело взялись настоящие энтузиасты и достигли успеха.

Честное слово, очень обидно будет, если на пути «Рок-форума» встанут непредвиденные преграды. Я понимаю, что возможности минфина не безграничны. Но если есть такая возможность, товарищи дорогие, поддержите хотя бы еще разок! Дальше организаторы смогут сами о себе позаботиться...

ЖЕСТОКИЕ

ИГРЫ

Алексей ПОЛИКОВСКИЙ

Фото Ю. СОКОЛОВА

Мы встретились с ним на базе «Спартак» в Тарасовке. Он шел мне навстречу — высокий, длиннорукий мужчина тридцати одного года, в ярко-синем спортивном костюме западногерманской фирмы «Ройш». Волосы его, как всегда, были аккуратно уложены на пробор. На ногах — белые шерстяные носки и резиновые пляжные тапочки. Он сутулился, как бы стесняясь своего роста, который казался больше тех 184 сантиметров, что указаны в каждом футбольном справочнике. Он просто-таки поражал своей статью. Руки его были так длинные, что, раскинув их, он вполне мог бы перекрыть половину обширного холла, где на стене висела таблица чемпионата страны с результатами, проставленными фломастером.

В некотором диссонансе с его статной и могучей фигурой было его лицо. В лице Дасаева было что-то мальчишеское. Это была молодость, которая не проходила с годами, молодость, которая была неотъемлемой частью его души. У него было лицо аккуратного, прилежного ученика старшего класса — выражение было то же. Я десятки раз видел это выражение на его лице, смотря футбол по телевизору. Вот таким — серьезным, собранным, сосредоточенным — он выбегал на футбольное поле. В его лице никогда не было ничего сурового или гневного. С таким лицом не в драку идут, с таким лицом идут сдавать экзамен по алгебре.

Лицо и натянутая, легкая походка придавали всему его облику какую-то хрупкость, тонкость. Стоя рядом с ним, видя, как он высок и рукаст, я все-таки еще раз убеждался в этом. В Дасаеве не было тяжелой силы Яшина, который грузно расхаживал по штрафной, как

крестьянин-хозяин по своему наделу. Не было в нем (когда он выходил играть) и испепеляющей ярости Шумахера, каждый жест и взгляд которого кричал нападающим противника: «Только войди в штрафную, только подними ногу для удара — убью!» Он, Дасаев, был как-то подчеркнута негероичен, подчеркнута прост. Это выразилось в первые же минуты общения. На каждое предложение (выйти на улицу и сесть поговорить на скамейку, пойти на лужок и попозировать фотографу и т. д.) он с приятной покладистостью отвечал: «На скамейку? Пожалуйста!.. На лужок? Пожалуйста!» А когда я задал первый вопрос — о жестокости в футболе, — вся его высокая фигура выразила некоторую неуверенность. Он, давший в жизни тысячи интервью, как будто так и не забыл в себе обыкновенное человеческое чувство застенчивости и стыда, мешающее откровенно говорить с незнакомым человеком о наболевшем.

Это был обыкновенный футбольный день Дасаева. С утра (выражаясь языком спортсменов) он вместе с командой «сел на сборы», то есть оставил Москву и семью и уехал в Тарасовку. С утра же была первая за день тренировка. Отрешение сборов было тому причиной или просто нехватка времени, но он был небрит, и над верхней губой пробивались усики. (Джек Демпси, легендарный чемпион мира по боксу в тяжелом весе, тоже не брился на сборах — это давало ему ощущение силы и одиночества.) Потом был обед, потом послеобеденный отдых, потом чай с лимоном в столовой, где, напоминая о нокауте (поражении от «Вердера» 2:6), висел плакат со стихком:

Вас сегодня пол-Европы славит, от

Урала до седых Карпат. Если «Вердер» ножку не подставит, вся Европа крикнет вам «Виват!».

Последняя игра была два дня назад. Ближайшая — через два дня. Мы вышли на пустынную тихую аллею и сели на скамейку, красиво раскрашенную в красно-коричнево-голубые цвета. Глубокая, ничем не нарушаемая тишина стояла над подмосковной Тарасовкой — тишина, в которой нервы его, наверное, оттаивали от всегдального напряжения, успокаивались, отдыхали. Вратарь — тяжелая работа. «У нас, вратарей, совсем другая специфика, чем у полевых игроков, — сказал он. — На тренировках мы работаем больше, чем те, кто в поле, а в игре — меньше. На тренировке ты стоишь два с половиной часа в одной клетке, а тебе бьют, бьют... Каждый день бьют, бьют. Говорят, некоторые вратари — люди с психическим сдвигом. В игре срываются. На достаточно высоком уровне психика должна быть», — заключил он. Он и сидя сутулился. Он говорил в нос, отчего голос звучал несколько обиженно.

Да, крепкая психика — это то, без чего не может быть надежного вратаря. Можно собраться на матч, можно отлично сыграть еще один — в желании сотворить чудо и завоевать славу, но как выстаивать месяц за месяцем и год за годом, по два матча в неделю? Дасаев играл в сборной уже десять лет, и этот факт сам по себе уже возбуждал любопытство. Как он собирается на матч? Как он — профессионал, играющий на последней черте — возбуждает свою душу перед очередной схваткой с жаждущими гола нападающими? Я спросил его про злость — нужна ли она ему? Ведь есть спортсмены, которые умышленно «заводят» себя перед игрой, которые способны побеждать, только испытывая неприязненные чувства к сопернику. Злость, ненависть — род допинга, который они сами впрыскивают в собственные души. Он кивал слушая — так кивают, когда речь заходит о чем-то давно знакомом. «Даже в шахматах, — сказал он. — Это бывает даже в шахматах».

Я заранее знал ответ. Ненависть невозможно скрыть. Она, даже против желания, прорывается в жестах, в позах, в выражении лица, с каким идет футболист, только что сбивший с ног соперника. В Дасаеве ненависти никогда не было. Я ни разу не видел, чтобы он шел на нападающего с тайным (или явным) желанием вмазать в него всем телом, сшибить, покалечить, как это сделал Шумахер с Баттистоном на чемпионате мира 1982 года. Но даже и не отсутствие таких случаев в вратарской карьере Дасаева убеждало меня в этом. Сама манера его игры, его поведение в игре убеждали в этом. Идя на мяч, он шел именно на мяч. Волнуясь, жестикулируя, переживая, он переживал именно из-за игры, а не из-за чего-то другого, что грязной примесью втекло в современный спорт: национальный дурман, корыстное желание заработать во что бы то ни стало. Но мне хотелось,

чтобы он сам объяснил это, чтобы рассказал, какое чувство лежит в основе его ровной, надежной игры.

— Нет, мне злость не нужна,— сказал он. По-прежнему в нем было легкое, в голосе таящееся напряжение человека, общающегося официально.— Вы знаете, я один раз даже попробовал в игре с Киевом. Мы проигрывали. Ну я стал «заводить» себя, твердить: «Слушай, сколько можно, а не хватит ли...» Мне не помогло. Еще хуже стало. Я понял тогда, что это путь не для меня. Злость выводит меня из равновесия. Когда ты чересчур забит эмоциями, играть трудно.

— Когда я играю, я должен думать,— продолжал он, в словах этих выражая свое вратарское кредо.— Думать, угадывать ходы противника. Волнение некоторое... не то чтобы боязнь, а именно волнение... оно должно быть. Немного. Вот вы знаете, чего я не люблю,— оживился он, выходя на новую тему,— это когда начальство перед международной игрой приезжает и «накачивает» игроков. Сидишь, как под дулом пистолета или винтовки. Так было в полуфинале Московской Олимпиады, перед матчем с ГДР: приехали, говорили, что мы обязательно должны выиграть. Мы проиграли...

Но ведь это вмешательство начальства — неминуемое следствие того, что спорт становится все более и более политическим делом, делом, в котором затронуты национальные интересы. «Спорт сближает народы» — слова, которые мы часто повторяли много лет подряд, не заключают в себе всей истины. Спорт иногда и ссорит между собой народы (вспомним драки англичан и итальянцев во время финала кубка европейских чемпионов 1986 года) — национальное, даже государственное достоинство вырастает в результате победы и каким-то неисповедимым путем падает в результате поражения, понесенного на футбольном поле или ринге. «В международных играх это чувствуешь. Ты стоишь в воротах, а на тебя бежит игрок, и в глазах его — зверь.— Дасаев говорил, не глядя на меня, сцепив руки пальцами между коленей. Я взглянул на его профиль — профиль был молодой, тонкий, интеллигентный.— Глаза налитые. Выходят бегать, кричать, бить. Это бывает. Да. Фанатизм есть не только у болельщиков. Многие команды в мире... — тут он заговорил о том, что происходит на тех кусках поля, куда не смотрят в эту минуту судья и телевизионная камера, о том тайном футболе, что неизвестен широкой публике,— умеют провоцировать, делать все, чтобы вывести противника из себя. Могут и ударить исподтишка, и плюнуть в лицо. Я всегда киплю весь, когда вижу это. Но на поле возмущения не выражаю: это нельзя. Хотя...— Он на мгновение задумался, как бы ставя мысленный эксперимент,— если бы в меня плюнули, я бы терпеть не стал. Хотя надо терпеть».— «Против вас в международных матчах не играли так?» — «Против меня — нет.

Нет, был один случай, один игрок против меня сыграл умышленно жестоко».— «Кто это? Из какой сборной?» — «Ну зачем я буду говорить,— засмеялся он.— Он играет еще, ни к чему позорить...»

Футбол — жестокая игра? Футбол — игра, где бьют ниже пояса? Об этом мы, может быть, и не знали наверняка, но догадывались, видя в матчах нашего чемпионата, как защитник по прозвищу «автоген» выпрыгивал ногами вперед на нападающего, беззащитного в дриблинге. Разве могли мы не догадываться об этом, видя, как на испанском чемпионате мира итальянец Джентиле раз за разом сшибал с ног Марадону, сшибал с упорством и методичностью бездушного исполнителя, получившего тренерский наказ: «Не пускать!» Это был футбол, в котором цель оправдывала средства (итальянцы стали чемпионами мира). О каком благородном соперничестве могла идти речь, когда немец Шумахер на глазах у сотен миллионов

телезрителей яростно неся на французского Баттистона, все внимание которого было поглощено контролем над мячом, и вкладывал всю силу в прыжок, в результате которого француз уносили на носилках — в больницу, с сотрясением мозга. Вратарь-убийца? Гладиаторские бои на потеху толпе?

— Нет, он по натуре не убийца.— Шумахера Дасаев знает и вне поля.— Ничего похожего. Он обаятельный человек. Очень религиозный. Очень предан своей стране. Он и себя не жалеет, сколько травм у него. В тот раз захлестнуло его, не владел собой... Что касается гладиаторских боев...— Я ждал опровержения, отрицания.— Да, это можно так сказать,— сказал Дасаев.— Футбол — жесткая игра. Но она этим не исчерпывается. Тот, кто приходит на футбол посмотреть, как люди бьют друг друга, у того бедный взгляд. Мы не только изнуряют друг друга выходим. Идет соревнование в технике, тактике, идет борьба вверху, внизу, в скорости, в физике. Не проиграть любой стык — вот задача. Но все это без этичности по отношению к сопернику прев-

ращается в...— Он не стал говорить, во что это превращается, когда люди забывают в себе людей.

И все-таки. «Ринат! — сказал я.— Вот если расставить спортивные единоборства по степени жестокости, которой они требуют от участников,— футбол будет на первых местах или на последних? Футбол, в том виде, в каком он сегодня есть,— это жестокий вид спорта? Или?..»

«Сам по себе футбол красивый вид спорта.— Он подхватил воодушевляясь. Ему приятно было говорить о футболе хорошо.— Недаром ведь люди так любят игру смотреть!.. Хотя есть в мире жестокие игроки, способные нанести травму. И у нас есть. Вот недавно Дрожжину из «Локомотива» сломали ногу в игре. Кто на такое способен? Бездумный футболист, такой, который не понимает, что через минуту и его могут сломать так, как он сломал.— Он замолчал, и в этом молчании было не меньше, чем в словах — было осуждение. А я вспомнил аргентинца Вальдано — партнер Марадоны по сборной, чемпион мира,— он сломал ногу нашему Ивану Яремчуку и тем самым выбил его из футбола на год.— Такие не понимают, что против них — их товарищи по игре. Способны сделать человека калеккой. А у него семья, дети — пенсия в 50 рублей».

«Вы таких игроков — во всем мире их называют «кувалдами» — как определили бы, в чисто человеческом плане? Кто они?»

«Ну елки-палки! — воскликнул он, тут впервые освобождаясь, кажется, от той скованности, которая владела им во все время разговора, и без злости раздражаясь на вопрос, который был опять о том же.— Да это люди, которые интеллектом не обладают, вот и все!»

Через десять минут мы шагали по пустынной аллее Тарасовки в направлении зеленого лужка, усыпанного крупными желтыми одуванчиками. Фотограф попросил его попозировать там. И на ходу он говорил, говорил совершенно свободно, потому что это было уже не интервью вратаря сборной корреспонденту журнала, а просто разговор человека с человеком о том, что оба они любят — о футболе, о прекрасной игре, о чудесной игре для двадцати двух мужчин, в которой есть место силе и мысли, воле и красоте, логике и случаю, круглому как мяч. «Ну вы знаете,— быстро, горячо говорил Дасаев, и сверху смотрело на меня его тонкое взволнованное лицо,— я ведь люблю игру саму по себе. Я раньше, понимаете, просто хотел играть в футбол, при команде быть — мне этого было достаточно. Я больше ничего не хотел. А теперь я отец, муж, я деньги зарабатываю, я кормлю семью. Но иногда,— открытость, искренность были в его голосе, а во взгляде — что во взгляде? Может быть, тоска, может быть, счастье.— Иногда я выйду во двор и с мальчишками там играю, играю, знаете, от души».

218-167

«Мы — это мир», — поют звезды американской рок-сцены. «Мы должны собраться вместе, потому что умирают люди, и мы должны протянуть им руку помощи», — поют Лайонел Ричи, Пол Саймон, Кенни Роджерс, Билли Джоэл, Тина Тернер. «Мы — это мир, мы — это дети, мы те, кто создает новый, лучший день, так начнем отдавать», — поет Майкл Джексон, и Дайана Росс продолжает: «Мы делаем этот выбор, потому что этим мы спасем и свои жизни»... В записи песни «Мы — это мир» участвовали Стиви Уандер, Брюс Спрингстин, Джеймс Ингрэм, Дайонна Уорвик, Вилли Нельсон, Синди Лаупер, Боб Дилан и многие, многие другие. Весь доход, который принесла звездам эта песня, они передали в Фонд помощи голодающим Африки. Наше телевидение неоднократно демонстрировало видеоролик песни «Мы — это мир», и мы публикуем ее текст и ноты по просьбе читателей.

Аранжировка А. СУЕТИНА

1. There comes a time when heed a certain call
When the world must come together as one
There are people dying
Oh, and it's time to lend a hand to life
The greatest gift of all
We can't go on pretending day by day
That someone some way will soon make a chance
We are all a part of God's great big family
And the truth's you know love is
All we need

Припев:

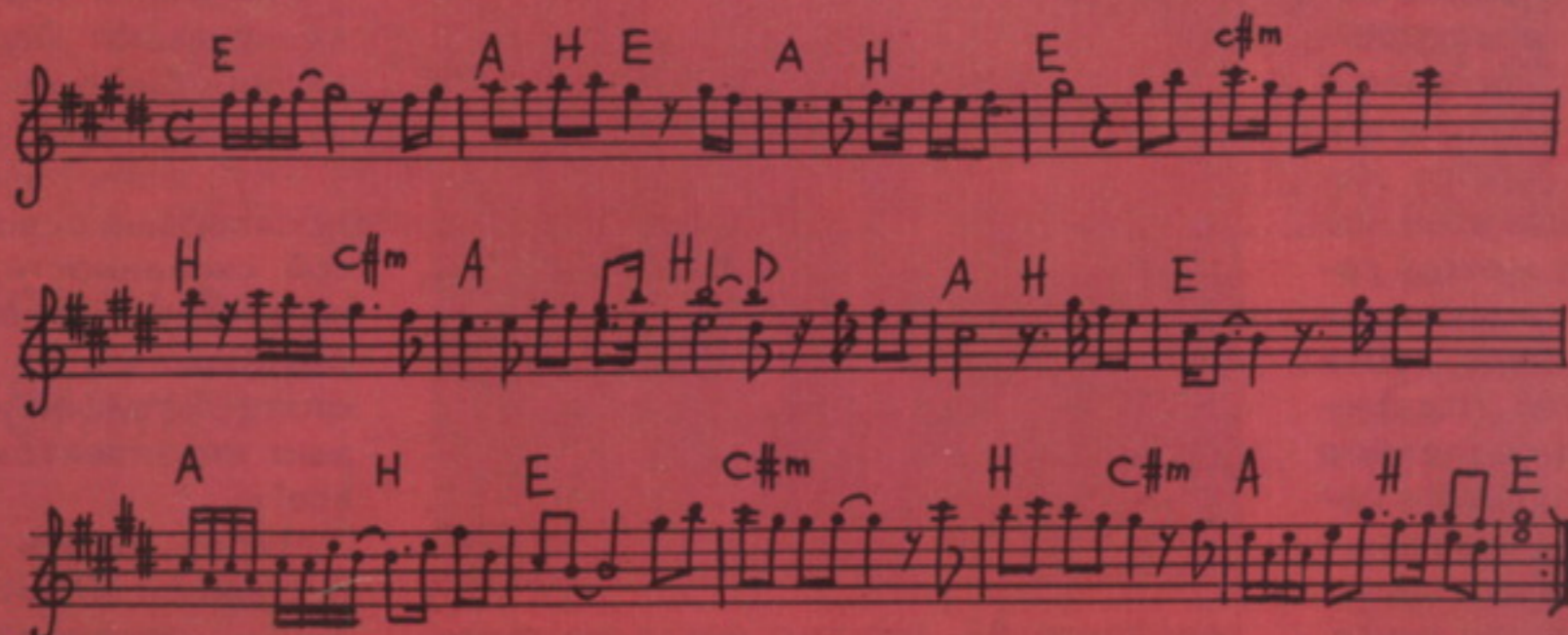
We are the world, we are the children
We are the ones who make a brighter day
So let's start giving
There's a choice we're making
We're saving our own lives, it's true
We'll make a better day just you and me

2. Well, send them your heart so they know
That someone cares and their
Lives will be stronger and free
As God has shown us by turning stones to bread
And so we all must lend a helping hand

Припев.

3. When you're down and out
And there seems no hope at all
But if you must believe there's no way
We can fall
Well, well, well, well,
Let's realise, oh, that a change can only come
When we stand together as one
Yeah, yeah, yeah, yeah

Припев.

Ровесник 10/88

В СЛЕДУЮЩЕМ НОМЕРЕ:

Автор книги «Закон Паркинсона и другие памфлеты» Сирил Норткот Паркинсон и лауреат Нобелевской премии Герман Ле Конт о бюрократии.

Известный советский педагог Михаил Петрович Щетинин и западногерманский журналист Вольфганг Бартель о проблемах современной школы.

«Я присню» — фантастический рассказ французского писателя Филиппа Кузена.

Чехословацкий журналист об опыте венгерской фирмы «Интерконцерт».

«...Песня словно вода, что омывает камни, словно очищающий ветер, словно огонь, который нас объединяет, песня живет в людях, чтобы сделать их лучше...» Это слова из письма Виктора Хары его жене Джоан (воспоминания Джоан Хары «Ровесник» опубликовал в № 3—12 за 1984 год). Почему мы здесь, на странице, посвященной истории популярной музыки, обращаемся к Виктору? Виктор Хара прежде всего был певцом и автором песен, популярных не только в Чили, но и во всем мире, и его песни живы и будут

жить. Его произведения записывают на пластинках самые известные рок-музыканты мира — например, англичанин Роберт Уайатт; американскую группу «Мистер Мистер», совсем недавно отправившуюся на гастроли в Чили, пиночетовские власти выставили из страны — за то, что музыканты на концерте сказали о своей любви и уважении к памяти Виктора Хары и всех убитых охранкой чилийских демократов... Список этот можно продолжать: «песня живет в людях, чтобы сделать их лучше».